

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2077

СУРЕН ЦОРМУДЯН
КРАЙ ЗЕМЛИ

FUTURE CORP.

Метро

Сурен Цормудян

**Метро 2033: Край
земли. Затерянный рай**

«АСТ»

2017

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Цормудян С. С.

Метро 2033: Край земли. Затерянный рай /
С. С. Цормудян — «АСТ», 2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-104376-6

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Группа ученых, исследующая природу геологических катастроф, еще не подозревает, что ей предстоит столкнуться с катастрофой более чудовищной и разрушительной, нежели вулканы. К тому же, катастрофой рукотворной – ядерной войной. Спустя годы после этих событий три вулканолога вынуждены выживать в райском уголке, затерянном среди ужасного нового мира, созданного последней войной человечества. Условия жизни здесь, на краю земли, весьма благоприятные. Но людям тяжело отпустить прошлые обиды, поэтому иностранным исследователям приходится скрывать свое происхождение. Община выживших Камчатки едва ли пощадит итальянца и уж тем более американку, а так же соотечественника, что их покрывал, когда правда перестанет быть тайной. Но никто из них не подозревает, что иной, беспощадный враг готов запустить свои когти каждому из выживших в глотку, невзирая на национальность жертвы. И никому неизвестно, что скрывает в себе удивительная Камчатка и как сама природа жаждет ознакомить людей со своей силой.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104376-6

© Цормудян С. С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Кто мы и откуда?	7
Вместо пролога	9
Глава 1	18
Глава 2	27
Глава 3	43
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сурен Цормудян
Метро 2033
Край земли. Затерянный рай

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д. А. Глуховский, 2017

© С. Цормудян, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Кто мы и откуда? Объяснительная записка Вадима Чекунова

Пальмовые листья с жестяным шелестом скребли деревянную крышу веранды ресторана. Солнце. Жара. По календарю – февраль. На родине, в Москве – темень и снежные заносы.

– Не, ну вот ты-то парень нормальный... – убежденно сказал мне Вова, с которым я познакомился минут пять назад. – Вы, питерские, ребята правильные. Не москвичи ведь.

Его приятель Серега согласно кивнул и плеснул по рюмкам.

– Ну, за встречу и знакомство!

Водка была теплой и явно поддельной. Откуда тут взяться иной... Заведение, в котором мы сидели, называлось «Киевская Русь» и тоже было не совсем настоящим в этом плане. Ведь за верандой лизали пляжный песок волны Южно-Китайского моря, а хозяином ресторана «русской кухни» был колоритный грузин – толстый, смуглый и носатый. Как его занесло сюда, на самую южную точку Китая, совершенно непонятно. Официантка маячила лишь одна – шуплая китайка в псевдорусском сарафане. Я, «питерский», дополнял этот поддельный ряд. Только Вова и Серега были настоящими, из Петропавловска-Камчатского. Обгоревшие до красноты под хайнаньским солнцем, но жизнерадостные и простые ребята. Такие когда-то сидели на «камчатке» в моем классе – подальше от учителя, поближе к свободной жизни. Но Вова с Серегой прилетели с Камчатки настоящей.

Это, конечно, совсем неправильно – приехать в чужую страну на отдых и вместо местной кухни искать «Макдоналдс» или «что-нибудь из нашего, типа борща». Но китайская еда не всем по нраву. Мои новые приятели ее не любили. Подошли на улице, признав за своего, и спросили, где можно «нормально посидеть и поесть».

– Виды у нас – знаешь какие? – закусывая сомнительным «оливье» из местных продуктов, спросил меня Вова.

Я покачал головой.

– И не узнаешь, пока не приедешь и не глянешь! – назидательно изрек собеседник. – Белых ночей, как у вас там, конечно, нет. Но зато – океан! Серый, скажи!

Молчаливый Серега лишь кивнул и опять налил «за встречу».

Мне было неловко за то, что сказал ребятам неправду. Но после года жизни на острове, каждый день встречая приехавших на отдых соотечественников, уже убедился, что москвичей большая часть нашего народа, мягко говоря, не жалуется. Одна милая женщина из Владивостока, которой помог в китайской аптеке купить нужные лекарства, так сердечно благодарила меня... А как узнала, что я из Москвы, грустно вздохнула, словно подумала: «Надо же, какая неприятность с человеком случилась...» Мне к такому не привыкать – еще в армии картина была точно такая же. Так что лучше представиться «питерским», чтобы не огорчать людей понапрасну. Тем более, все же некоторое время я в Питере действительно жил и до сих пор шаурму называю «шавермой», а бордюр «поребриком». Но мне еще терпимо, я хотя бы русским оставался всегда. А вот приятель-казах, живший по соседству, то за китайца себя выдавал, то за бурята – по обстоятельствам. Сплошное «свой среди чужих, чужой среди своих».

Не знаю, читают ли Вова с Серегой книги «Вселенной Метро 2033». Если читают, надеюсь, они мне простят тот небольшой обман. В конце концов, совсем ведь неважно, откуда мы. Важнее – кто мы.

Поэтому книгу Сурена Цормудяна я читал с особым пристрастием. Тут тебе и Камчатка – живая, настоящая. Я так и не побывал на ней до сих пор, хотя меня и звали в гости. Но зато

узнал много любопытного теперь. Тут тебе и проблемы – на фоне условных и фантастических событий – самые что ни на есть тоже настоящие. Попробуй-ка, будучи лицом «неправильной национальности», окажись среди чужого тебе окружения, да еще вооруженного... Ничего приятного, кто служил или жил на неприветливых чужбинах – подтвердит. И ведь не застрахован от этого никто из нас – неизвестно, как завтра судьба распорядится. Решение таких проблем далеко не всегда происходит мирно и справедливо. Порой случаются такие потрясения, сравнить которые возможно разве что с извержением вулкана. Или с ядерной войной. А иногда и сравнивать не нужно. Или вообще может так оказаться, что некому уже будет сравнивать.

Но тут уж все зависит лишь от нас самих.

*Светлой памяти моего брата
посвящается эта книга...*

*Первоначало всего существующего – огонь.
Гераклит Эфесский
Около V–VI веков до нашей эры*

Вместо пролога Осколки прошлого

Это так странно – оказаться здесь. Как будто после долгих поисков сказочной страны, что снилась тебе с детства, наконец найти ее. Прийти в нее.

Сердце замирает при видах, воспаленных памятью, словно уже и не своей, а какой-то привнесенной в разум силами непостижимыми. Необъяснимыми.

Но все прозаичнее на самом деле. В этом романтическом и сказочном ореоле грез клубились воспоминания из детства. Настоящие воспоминания о настоящей жизни, которая теперь кажется замечательным приключением. Неповторимым и недостижимым ни в пространстве, ни во времени.

Однако пространство он преодолел. Но вот временную пропасть в одну четвертую часть столетия преодолеть невозможно. Если для пространства есть самолеты, то для времени – только память. И вот он здесь. Через двадцать пять лет после того как покинул эти края, будучи еще отроком. Он не мог даже описать ту гамму чувств, которые охватили его при виде знакомых по этим детским грезам мест. Водная гладь Авачинской¹ бухты все та же. А вокруг нее безмолвные зеленые сопки, густо поросшие причудливо искривляющимися деревьями. На противоположном берегу бухты все тот же Петропавловск-Камчатский, чьи улицы растянулись террасами по склонам сопки. Здесь практически нет ровных поверхностей, он это хорошо помнил. Один из немногих ровных ландшафтов на всем гигантском полуострове Камчатка в его памяти сохранился лишь в виде аэропорта Елизово, куда его доставил самолет из Москвы. Трудно даже вообразить, насколько недоступными стали бы эти края для людей извне, если бы аэропорт вдруг прекратил свое существование. И какой бы ловушкой стала Камчатка для тех, кто здесь живет. Конечно, оставался и другой вариант. Морской. Но для этого надо было отчалить от Петропавловского причала, пройти по Авачинской бухте до пролива у мыса Станицкого, миновать торчащие из воды скалы, именуемые Три Брата и являющиеся такой же визитной карточкой Камчатки, как и ее вулканы и гейзеры, а затем выйти в безбрежный Тихий океан. Ну а дальше, огибая южную оконечность полуострова, через энное количество дней добраться до Сахалина. Или Владивостока. Или Японии. Но был и другой вариант. Выйдя из Авачинской бухты в Тихий океан, взять курс не на юг, а на север. Добраться до ожерелья Алеутских островов, которые, словно морские буйки, очерчивали бассейн Берингова моря, и, пройдя вдоль этих островов, добраться до Аляски – самого большого штата США. Но аэропорт Елизово сжимал пространство и время. Завтра вечером он сядет там в самолет и всего через каких-то восемь-девять часов будет в Москве. На Камчатке к тому моменту уже будет утро нового дня. А в столице, когда он прилетит, поздний вечер дня предыдущего. Благодаря причудам часовых поясов в прошлое можно вернуться. Именно это с ним и произойдет, ведь где-то над Охотским морем он уже попадет в завтрашний день, но в Москве он окажется примерно в то же время, в какое он вылетит из этого спасительного для жителей Камчатки аэропорта Елизово.

Все эти ожившие воспоминания из детства порождали какую-то потаенную, одному ему понятную трепетную радость, перемежавшуюся с доброй грустью. Но на видах Авачинской бухты, далекого Петропавловска-Камчатского и возвышающегося за столицей полуострова, покрытого ледниками белого гиганта – вулкана Авача, радость кончалась. При ближайшем рассмотрении ареала его детских приключений начиналась боль.

---

¹ Входит в число крупнейших бухт мира. Название Авачинской бухты, как и Авачинского вулкана, предположительно происходит из языка коренного народа полуострова – ительменов. «Авачх» – огненный. Есть и другие версии происхождения названий, но все они так или иначе связаны с различными словами ительменского языка.

Городок, в котором он жил когда-то, в те времена был настолько секретным, что, по сути, не имел названия. Он обозначался лишь цифровой литерой – «51». Но для удобства отправления и получения почтовой корреспонденции в те времена на конвертах и посылках писали – «Петропавловск-Камчатский 51». Видимо, чтобы враг не догадался. Секретничать было из-за чего. В городке 51 находился судоремонтный завод по ремонту и обслуживанию атомных подводных лодок Второй Тихоокеанской атомной флотилии. Сама флотилия тут же. В пределах видимости. Она находится в поселке Рыбачий, на полуострове Крашенинникова, который кривым пальцем врезается с запада в Авачинскую бухту, создавая еще одну, маленькую бухту имени того же Крашенинникова. Хотя еще ее называли Сельдевой. Вот и лодки. До них всего четыре километра по воде. Он хорошо помнил, что из окна кухни его дома всегда были видны эти грозные черные гиганты, заряженные под завязку апокалипсисом. Лодки на месте и хорошо видны отсюда. Но вот с самим городком 51 случилось нечто ужасное.

Сразу на въезде в него располагались три одинаковые казармы, которые когда-то, по аналогии с теми знаменитыми скалами на выходе в Тихий океан, именовались «Три Брата». В одной казарме располагалась береговая база. Там размещались экипажи военных кораблей, которые вставали на ремонт в завод 51-го городка. Вторая казарма – судоремонтный батальон. Третья – стройбат.

Он помнил их другими. Большие патриотические плакаты. Строевые подготовки. Флаги и огромные стенды с гербами пятнадцати советских республик. Сейчас бетонные плацы разбиты пробивающимся из трещин кустарником. Трехэтажные здания казарм пусты и мертвы. Стекол и даже оконных рам давно нет. Вокруг какие-то кучи ржавого железа, которые когда-то являлись автомобилями. Это был его первый шок, когда он въезжал в свой детский мирок. Потом он увидел свой дом.

Единственная в поселке пятиэтажка, построенная на склоне сопки по улице Владивостокской. Улица столь мала, что этот крайний ее дом имел номер 4. Когда-то пятиэтажка имела красивый красно-белый окрас. Сейчас она не имела цвета вообще. Точнее, это было сочетание серости и сырости. Триста метров от дома, вниз по склону, и там находилось длинное одноэтажное здание Клуба юных моряков. Дети в те времена даже в такой удаленной и труднодоступной местности имели массу вариантов проведения досуга. В городке 51 имелась горнолыжная, туристическая, баскетбольная и еще ряд других секций. А также авиамодельный и судомодельный кружки. Оба они располагались в том самом здании КЮМ, но... Сейчас он увидел только редкие осколки битого кирпича и фундамент, давно заросший бурьяном. Здания нет, как и нет полудюжины соседних строений. Идя дальше через поселок и наблюдая пейзаж уныния и запустения, он добрался до кинотеатра «Виллюй». Точнее, до того жуткого короба, который от него остался. Место, в котором он проводил чуть ли не каждые выходные, с друзьями, а иногда и с моряками из тех казарм, которых сюда водили на киносеансы, выглядело так, словно кинотеатр подвергся массивированному артиллерийскому обстрелу. Части стены нет. Нет окон и дверей. Внутри какой-то хлам. А вот это...

Он вдруг почувствовал, что сейчас расплатится, что, конечно же, в его возрасте было бы совсем непозволительной глупостью. Эта опрокинутая на бок конструкция – игровой автомат «Морской бой». Ох, сколько они с друзьями спорили и каналась, кто первый в него играет. Иногда выигрывал и он. А затем с нетерпением кидал в автомат пятнадцатикопеечную монету, хватался за поручни перископа и, прильнув лицом к резиновому наглазнику, смотрел, как движется по нарисованному морю нарисованный вражеский корабль, и пускал торпеды.

Он осторожно дотронулся до старых, облезлых уже поручней, к которым не прикасался двадцать пять лет. Затем устало уселся на поваленный игровой автомат и закурил, задумчиво глядя на осколки плитки и стекла, как на осколки собственного прошлого. Осколки своего

детства. Да, детство его давно прошло. Сейчас он взрослый мужчина. Уже даже в разводе. Его дочь, Рита, сама уже взрослая девушка. Настолько взрослая, что знать не желает отца, оставившего по мимолетной глупости семью. Но он провел здесь девять лучших лет своей жизни. Когда ты ребенок, для тебя эти девять лет – вечность. Фантастический срок. Это сейчас время летит, как тот самолет из Москвы в Елизово, сокращая пространство и время. Но тогда... И он все двадцать пять лет мечтал вернуться. Да, в детство вернуться нельзя, но хотя бы в эти живописные, прекрасные места. В городок, где все друг друга знали и жили дружной общиной. Где детям было чем заняться на досуге в многочисленных клубах и секциях. Но вернувшись, Казимир Гжель² ужаснулся...

– Эй, дядя, вам плохо?! – послышался детский голос.

Этот голос вырвал Казимира из его мрачной задумчивости и заставил поднять взгляд. Странное дело, он совершенно не услышал, как в бывшем холле бывшего кинотеатра появились четыре подростка. На вид им было лет по одиннадцать или двенадцать. Все мальчишки. Один, самый высокий, с вытянутым лицом. Второй круглолицый блондин с веснушками. Третий чернявый, большеглазый, с каким-то недобрый взглядом. Четвертый похож на корейца, слегка полноват. На шеях висят старые респираторы, которые они, наверное, раздобыли на заброшенных военных складах, которых здесь в изобилии. В руках игрушечные автоматы и школьные рюкзаки за спинами.

– М-м-м... Нет, ребята, мне не плохо. Просто задумался, – грустно улыбнулся Казимир, – здравствуйте, кстати.

– Ага, самое то место, где удобно призадуматься, – ухмыльнулся долговязый, который глаз не сводил с висящего на шее Казимира фотоаппарата.

– А вы что тут делаете? – спросил Гжель. – Тут все очень ветхое, может и обрушиться. Не лучшее место для детей.

– Мы здесь в сталкеров играем, – ответил предположительно кореец. – А вы?

– Я? Я жил здесь когда-то. Несколько лет копил на билеты на самолет и вот прилетел, чтоб вспомнить детство. Лучше бы я этого не делал...

– А что так? – спросил тот, что с веснушками.

– Да тут... – Казимир замялся, не зная, как описать свое впечатление от увиденного. – Слушайте, здесь был дом культуры. Кинотеатр. У нас тут новогодние утренники проходили. Мы тут кино смотрели. Девчонки сюда танцами заниматься ходили. Вон в той стороне был Клуб юных моряков. Я там делал модели кораблей. И друзья мои со мной туда ходили. А рядом был авиамодельный кружок. Туда ребята постарше ходили. А на площади, возле завода, они потом запускали свои модели самолетов, и те летали. Здесь было больше людей, больше жизни, больше каких-то возможностей. А сейчас... сейчас все выглядит так, будто над Сельдевой атомную бомбу взорвали.

– Над чем? – спросил долговязый.

– Над Сельдевой. Мы так свой городок называли – Сельдевая. Иногда, в шутку, называли его Простоквашино.

– Почему?

– Ну, потому что одна-единственная пятиэтажка... На горе... короче, сейчас это поселок Приморский, я знаю. Но раньше было вот так.

– А мы свой городок Саус-Парк называем, – улыбнулся блондин.

– Как вы вообще здесь живете? – вздохнул Казимир.

– В сталкеров играем, – подал голос до сих пор молчавший большеглазый.

– Понятно, – покачал головой Казимир. – А мы тут в «Морской бой» играли. И в кино ходили.

---

² Казимир Гжель – персонаж романа «Странник».

– А на фига кинотеатр, если сейчас любой фильм можно с Интернета скачать и на мобиле посмотреть?

– Ну, – Гжель растерянно усмехнулся и развел руками, – я даже не знаю, что вам на это ответить.

– Вы сами-то откуда? – спросил кореец.

– Из Москвы, – кивнул Гжель. – Двадцать пять лет там уже живу.

– Ага, был я там, в прошлом году. У вас там метро есть, ага? Жуткое место.

– Это еще почему? – удивленная усмешка появилась на лице Казимира.

– Там у вас куча народу. Миллионы машин. Пробки. И все как зомби. В метро запах странный, а еще в Москве нерусских полно... Говорю же, жуткое место. У нас лучше.

– Ну, ты сам-то... Хотя ладно, – махнул рукой Гжель. – А хотите, я вас проведу по поселку и покажу, где и что было во времена моего детства?

Большеглазый резко наклонился, поднял кирпич и, подбрасывая его в ладони, строго спросил:

– Ты маньяк-педофил?

– Что? – опешил Казимир. – Да вы... Черт возьми, в вашем возрасте я таких слов даже не знал!

– Тупой был?

– Нет! Счастливый был! А вы... Вы какие-то злобные тролли!

Он поднялся и торопливым шагом направился к выходу. Под ногами хрустели осколки его прошлого...

– Эй, дядя, классный у тебя фотоаппарат! – крикнул вдогонку высокий. – Дай поглядеть!

– Идите к черту, дети! – бросил на прощание Казимир и скрылся на улице.

– Долбанные взрослые, – презрительно фыркнул большеглазый Андрей Жаров и швырнул обломок кирпича в корпус от игрового автомата, на котором только что сидел Казимир.

* * *

*Из инструкции командору Витусу Берингу
от императора Петра I.
6 января 1725.*

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

* * *

С вертолета вид был просто великолепен. Камчатская красота раскрывалась особым образом. Улыбка восторга не сходила с лица молодой Оливии Собески, ученого-вулканолога из Йеллоустонского национального парка США. Она лишь на миг прижимала к лицу фотоаппарат, делала серию снимков и снова освобождала взгляд и любовалась покатыми

зелеными сопками, Авачинской бухтой и одноименным вулканом. Ее коллега из Неаполя, обладатель роскошной черной бороды, итальянец Антонио Квалья торопливо и размашисто делал карандашом зарисовки в своем блокноте.

Третий в группе вулканологов, что находились на борту вертолета, это Михаил Крашенинников. Ученый из Института вулканологии и сейсмологии Петропавловска-Камчатского. Он похлопал по плечу итальянца:

– Тони, есть же фотоаппарат! – приходилось перекрикивать двигатель вертолета.

– У фотоаппарата нет души художника, дорогой Михель, – улыбнулся Антонио, продолжая рисовать.

Оливия прервала любование местным великолепием и обратилась к русскому вулканологу:

– Майкл, а мы можем отлететь еще дальше? Я хочу сделать общую панораму с видом Петропавловска, вулканов Авача и Коряка и Авачинской бухты! Может, National Geographic заплатит нам за этот снимок и мы покроем расходы на топливо для вертолета?

– Минутку! – кивнул Крашенинников и, сделав несколько шагов по салону вертолета, обратился к пилоту: – Витя! Вить! Мы можем долететь до Приморского? Топлива хватит?

– Хватит! – кивнул пилот и засмеялся. – Однако в Приморском вулканов нет! Только судоремонтный завод!

– Я знаю, Вить! Просто наши гости хотят сделать крупную общую панораму! И сфотографировать гору Вилую. С воздуха ее будет видно!

– Не вопрос! За ваши деньги – любой каприз!

Вертолет чуть наклонился вперед и, ускорившись, направился к городку, который когда-то именовался литерой «51».

Михаил вернулся к коллегам и посмотрел вниз.

– Оливия! Я понял, что на самом деле ты хочешь сфотографировать! Я подозревал, что ты американская шпионка! – Он засмеялся и указал рукой вниз.

Собески посмотрела в указанном направлении. Под ними проплывал полуостров Крашенинникова, на южном берегу которого расположился поселок Рыбачий и причалы с атомными подводными лодками.

Улыбка стерлась с лица миловидной ученой из Штатов. Широко раскрыв глаза, она уставилась на Михаила:

– О боже, Майкл, я не знала! Я... Если нельзя фотографировать, я не буду! Я... Я правда не знала!

Михаил расхохотался еще больше:

– Вы, американцы, совершенно не понимаете шуток! Эту базу и эти лодки может увидеть любой человек на планете, у которого есть компьютер! Достаточно открыть Google Maps! Это уже давно не тайна!³ Вы совершенно не понимаете шуток!

Оливия недовольно насупилась и отшатнулась от Михаила:

– Мы просто с трудом верим, что вы, русские, умеете шутить!

– Антонио верит. Погляди, Оля, он смеется.

Квалья действительно смеялся, заканчивая свой рисунок. Затем развернул блокнот к своим коллегам. Рисовал он изумительно. А главное, очень быстро. Недаром его в шутку называли принтером. На странице блокнота красовалась Оливия Собески, увешанная фотоаппаратами, с испуганным лицом и в высокой шляпе «дяди Сэма», а на нее наступал Михаил в мундире и фуражке. На погонах буквы КГВ, а в руках серп и молот. Рассмотрев карикатуру, Крашенинников засмеялся еще громче.

---

³ Описывая данную базу, автор не открывает никаких секретов. Ее действительно можно разглядеть как на спутниковых фото и картах «Гугл», так и на спутниковых фото и картах «Яндекс», а также других открытых интернет-ресурсов.

– Брависсимо, мой друг!
– Вы как дети, – усмехнулась Оливия.
– Разве это плохо? Кстати, Оля, этот полуостров, над которым мы пролетаем, называется полуостров Крашенинникова.

Американка удивилась:

– Его так называли в твою честь?

– Нет. Но все равно приятно.

Вертолет продолжал путь к южному побережью Авачинской бухты. Никто на борту винтокрылой машины еще не знал, насколько судьбоносным для каждого из них будет решение Оливии отлететь подальше от Петропавловска-Камчатского...

* * *

Уже стемнело. Покинув терминал аэропорта Внуково, Казимир Гжель окунулся в настойчивые призывы таксистов и вяло отмахивался рукой. Он устал. Поездка в места его детских приключений не воодушевила. Многочасовой перелет, пронзающий часовые пояса огромной страны, утомил. Ему не терпелось попасть домой и окунуться в ванну, а потом упасть в кровать и заснуть. Конечно, услуги таксистов могут ускорить воплощение этого желания, но уж больно бессовестные у них цены. А после траты на билеты до Камчатки и обратно придется экономить год, дабы восполнить потери в личном бюджете. К тому же его ждал человек на машине...

«Девятка» цвета мокрый асфальт находилась на стоянке, как он и предполагал. В салоне включен свет, поскольку небо уже почернело. Водитель, молодой светловолосый парень, читал какую-то книгу, разложенную на рулевом колесе.

Казимир распахнул заднюю дверь и небрежно швырнул дорожную сумку на сиденье. Сам уселся впереди, рядом с водителем, который продолжал читать.

– Здравствуй, Сережа.

– Привет, Станиславович, – отозвался водитель, не отрываясь от книги.

Казимир смерил его взглядом и вздохнул, качая головой:

– Мы сегодня до Москвы-то доедем вообще?

– Погоди, Станиславович. Сейчас, кажись, «Людоед» ледяную дамбу взорвет...

– Какой, на хрен, Людоед? Это платная стоянка. Ты за время моего отсутствия олигархом стал, что ли? По машине как-то незаметно.

– Ах, если бы... – вздохнул Сергей и, положив вместо закладки свой смартфон, захлопнул книгу. Затем провернул ключ в замке зажигания.

Машина медленно, лавируя между другими автомобилями, покинула стоянку и вырвали на шоссе до города.

– Как Рита?⁴ – тихо спросил Казимир.

Сергей пожал плечами:

– Не знаю. Мы крепко поругались.

– Вот ты идиот, – разочарованно вздохнул Гжель.

– Согласен. Я идиот. Но и она тоже, знаешь ли, та еще штучка. Вся, блин, в папашу.

– Слышь, Маломальский!⁵ – повысил голос Казимир. – Ты, между прочим, о моей дочери говоришь! Тебе по шее врезать, что ли?

– Нельзя, – невозмутимо отозвался Сергей. – Я за рулем. Это чревато.

– Ладно. Врежу, когда приедем.

---

⁴ Рита Гжель – персонаж романа «Метро 2033: Наследие предков».

⁵ Сергей Маломальский – персонаж романа «Метро 2033: Странник».

– Осторожней. У меня есть большой разводной ключ. Ты как съездил-то? Рассказывай.
– Отвратительно, – ответил Казимир, открывая окно и закуривая.

– Чего так? Ты же давно мечтал. Деньги копил. Фотоаппарат мой взял. Старинного друга встретить хотел.

– Все так, Сережа, но... – Он выпустил в вечерний подмосковный воздух клуб дыма. – Я был безумно рад встретить друга детства, и это был для нас праздник. Но я не ожидал, что увижу настолько... Как это сказать... Постапокалиптическую картину...

Старая «девятка» цвета мокрый асфальт приближалась к Москве. А миру оставались считанные часы...

* * *

Школа номер четыре находилась выше всех зданий над уровнем моря, а точнее, над уровнем Авачинской бухты в поселке Приморский. Ее построили на склоне сопки, так же как и пятиэтажку на улице Владивостокской, 4. Но только вход в школу располагался примерно на уровне пятого этажа жилого дома, расположенного метрах в ста ниже по склону. Четырем ученикам этой школы порядком надоело играть в сталкеров. Сегодня они решили поиграть в «Квадрат». На площадке у дома этого не разрешали делать взрослые. Мяч то и дело норовил удариться в машину, коих у пятиэтажки было много. Именно поэтому большеглазый Андрей Жаров, высокий Никита Вишневский, светловолосый и с веснушками Женька Горин, а также их друг – Сашка Цой поднялись к школе и зашли во двор позади нее. Нарисовали красным кирпичом на асфальте квадрат, поделенный на четыре секции. Каждый отвечал за свою. Мяч не должен удариться о секцию больше пяти раз. Тот, кто не сможет отбить мяч, выбывает. Поканавшись в «камень-ножницы-бумага», четыре друга определили, что первым мяч подает Никита Вишневский. Тот некоторое время разминался, хлопая ладонью по резиновому мячу и ударяя его в потрескавшийся асфальт заднего двора школы номер четыре.

Услышав рокот приближающегося вертолета, Вишневский обернулся. Летающей машины еще не видно. Судя по звуку, она уже где-то над маленькой бухтой Крашенинникова. Или уже даже над заводом. Но двухэтажное здание школы стояло между ними и поселком, не давая увидеть летательный аппарат.

– Никитос! – возмущенно крикнул Андрей. – Ну давай, подавай уже! Вертолетов, что ли, не видал?

Никита подбросил мяч и, не дав ему коснуться земли, пнул ногой. Тот подлетел и стал падать на секцию Саньки Цоя. Тот отбил руками, сцепив пальцы ладоней. Женька отбил локтем. Вертолет приближался...

Андрей Жаров подпрыгнул и с силой пнул падающий в его секцию мяч. Спортивный снаряд устремился ввысь. Он вылетел из тени школы и оказался выше ее крыши. И вдруг ясное синее небо стало ослепительно белым. Друзья зажмурились от боли, падая на асфальт. Звук вертолета стал каким-то захлебывающимся. А еще, несмотря на тень от родной школы, в которой они находились, стало нестерпимо жарко. Настолько жарко, что раздался крик Никиты:

– Пацаны, на мне одежда горит!!!

Вверху раздался хлопок. Это лопнул от светового и теплового излучения мяч. Дети попадали на асфальт, не зная, куда деться от этого жуткого жара, хотя, похоже, в эти мгновения задний двор школы номер четыре, построенной с расчетом выдерживать девятибалльные землетрясения, был самым безопасным местом. Где-то между ними с хлюпающим звуком упал лопнувший и плавящийся мяч. Следом за светом и теплом раздался грохот, будто лопнула вся вселенная. А потом последовала и ударная волна термоядерного взрыва...

* * *

*Выписка из докладной записки
отдела разведки Краснознаменного Тихоокеанского флота
главному командованию ВМФ СССР
Для служебного пользования
Совершенно секретно
1984*

«Согласно полученным данным, коррелирующим с данными от собственных источников 1-го Главупра КГБ СССР, вероятный противник нацелил на Камчатский полуостров баллистическую ракету класса «Минитмен-3» с разделяющейся БЧ (341-е стратегическое ракетное крыло. Координаты пусковой шахты см. в приложении 2 к данной докладной записке. ТТХ приводимого класса ракет вероятного противника см. в приложении 1 к данной докладной записке). По данным разведки, разделяющихся боевых частей у данной ракеты 3 (три). Предположительно мощность каждого заряда составляет от 300 кТ до 700 кТ. В случае отсутствия ответных мер со стороны ВМФ и ВВС СССР предполагаются дублирующие удары силами подводных стратегических лодок вероятного противника, а также крылатыми ракетами воздушного базирования, силами тяжелых стратегических бомбардировщиков. Мощность дублирующих ударов приблизительно 120–250 кТ. Оценка приоритетных целей позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что одной из целей для удара РБЧ данной ракеты является аэропорт Елизово. Вопреки предыдущему анализу с выводами о том, что данный аэропорт необходим силам вторжения вероятного противника для промежуточных посадок боевой и транспортной авиации, наличие в Елизово группировки высокоскоростных перехватчиков МиГ-31, способных нивелировать боевой наступательный потенциал воздушных стратегических сил вероятного противника, делает данный объект одной из приоритетных целей. Цель для второй БЧ – база ТОФ в Усть-Камчатске. Цель для третьей БЧ – Вторая флотилия атомных подводных лодок на полуострове Крашенинникова в Авачинской бухте и судоремонтный завод в «ПК-51». По имеющимся данным, боеголовка должна взорваться на высоте 200–400 метров над бухтой Крашенинникова (Сельдевая) между «ПК-51» и пунктом постоянной дислокации боевых единиц Второй атомной флотилии ТОФ. Первичные поражающие факторы, даже при минимальном заряде в 300 килотонн, в течение сорока секунд уничтожат как базу подводных лодок, так и судоремонтную инфраструктуру на противоположном берегу, в «ПК-51» (расчетные таблицы потерь в живой силе среди военнослужащих и гражданских лиц см. в приложении 3 к данной докладной записке). При этом поражающие факторы, воздействующие на сам Петропавловск-Камчатский как при ударе по аэропорту Елизово, так и по бухте Крашенинникова, будут минимальными. Это позволит силам вторжения вероятного противника использовать в дальнейшем морской порт Петропавловска-Камчатского во время следующего этапа войны – военной интервенции на дальневосточную территорию СССР...»

Что-то заставило одну из боеголовок отклониться... Она взорвалась не между полуостровом Крашенинникова и поселком Приморским, а между полуостровом Крашенинникова и Петропавловском-Камчатским. Где-то над Авачинской бухтой. При этом вся мощь термоядерного взрыва обрушилась именно на столицу Камчатского полуострова...

В остальном данные разведки ВМФ тридцатилетней давности оказались верны. Только вот дублирующих ударов не последовало. По всей видимости, их уже некому было наносить...

Глава 1 Рассвет

Больше других сохранилась именно средняя казарма из тех трех, что стояли у дороги, ведущей из Вилючинска в поселок Приморский. Все те же три этажа, два входа и высокие потолки, делавшие здание значительно выше обычной жилой трехэтажки.

Внутри уже давно прибрано, и чувствовалось, что это место обитаемо. С первыми лучами солнца, заскользившими между сопки со стороны тысячелетиями охранявших вход в Авачинскую бухту Трех Братьев, на лестнице послышались шаги.

Антонио Квалья носил все ту же аккуратную «бородку интеллектуала». Но теперь она не была знойно-черной, а все больше седой. И все больше морщин испещряло лицо, ведь прошло столько лет. А голова его давно лишилась роскошной черной кудрявой шевелюры. Антонио стал совершенно лысым. Но он оставался верен себе и в каждую годовщину той страшной катастрофы Квалья поднимался на третий этаж их жилища, устанавливал большой самодельный мольберт, крепил на нем лист ватмана и со свойственной ему фотографической точностью, сдобренной поэтической душой художника, начинал писать масляными красками тот же самый пейзаж, что и годом раньше. Авачинская бухта и ее противоположный берег, где когда-то был Петропавловск-Камчатский, уничтоженный много лет назад водородным взрывом, сопки, ярко-зеленая растительность которых довольно быстро оправилась после катастрофы, давая немногим выжившим призрачную надежду на будущее, и, конечно же, величественный вулкан Авача.

Итальянский вулканолог сильно хромал на левую ногу. Сказывалась серьезная травма, которую он получил тогда, во время аварийной посадки вертолета. Все приборы мгновенно отказали от электромагнитного импульса, и пилот Виктор изо всех сил старался посадить отказавшуюся слушаться летающую машину на авторотации, спасая жизни людей. Людей он спас. Себя – нет.

А потом был страшный шок и непонимание, что же произошло. Поначалу почти все выжившие думали, что на одной из лодок в Рыбачьем взорвалась ракета или реактор. А значит, скоро придут спасатели. Никаких спасателей и никакой помощи люди не дождались ни через год, ни через три года. Потом думали, что все-таки случилась война, учитывая, как стремительно ухудшались отношения между странами накануне того чудовищного взрыва. Но разве война может уничтожить всех и длиться так долго? Кто-то должен появиться, так или иначе. Своя армия. Вражеская армия. Ну, хоть кто-то.

Никто не появился ни через десять лет, ни через пятнадцать. И теперь у выживших была другая вера. Вера в то, что ничего больше нет. Ничего, кроме Камчатки, умеющей волшебным образом и довольно быстро восстанавливать свою красоту после любой катастрофы. Это ее, видимо, вулканы приучили. Натренировали выживать после своих бесчисленных катастрофических извержений с лавовыми потоками, вулканическими бомбами, сернистыми осадками и пирокластическими тучами, сметающими все на своем пути.

Первые дожди были, конечно же, радиоактивными, несмотря на то что взрыв водородного боеприпаса оставляет меньше радиации, нежели обычного атомного. Но последующие дожди, а потом и долгая снежная зима смыли отравленный слой с сопки, уносясь бурными весенними ручьями в Авачинскую бухту. А морская вода завершила начатое очищение. Да, первая зима, продлившаяся больше полутора лет, была страшной, голодной и смертоносной. Возможно, она убила не меньше людей на западном берегу бухты, чем предшествующий ей взрыв. Но насколько было тяжким это лихолетье, настолько же прекрасной была долгожданная очистительная весна и вернувшееся в этот затерянный мир лето. И с того самого

первого лета Антонио Квалья посвящал свой талант художника великолепию Камчатки, ее жизнелюбию и природной силе. Своего рода поклонение жизни.

Он держал карандаш как дирижерскую палочку, и каждое движение его руки, отмечающей контуры и штрихи для будущих мазков кистью, было выверенным и твердым. И он задумчиво улыбался, глядя на то, как вид из большого окна третьего этажа с каждым взмахом руки все больше переносится на безликий белый ватман.

И снова шаги. На сей раз легкие. Почти беззвучные. Оливия поставила на столик рядом с художником одну из двух кружек, что несла в руках. В кружке плескалась горячая еще настойка из кедровой хвои – горькая замена давно позабытому чаю и утреннему кофе. Однако эта настойка позволяла поддерживать здоровье в этом новом, избавившемся от большинства людей мире. Хорошая профилактика дизентерии, кариеса и цинги. Хорошая бодрящая порция витаминов с утра. А то, что она горькая, это ничего. Жизнь в разы горше, но ведь ей все же удавалось радоваться.

– Спасибо, – кивнул Антонио и, прервавшись на несколько секунд, отпил немного настойки.

Кутаясь от утренней прохлады в старый плед, Оливия присела в свободное кресло от какого-то автомобиля и, обхватив ладонями свою кружку, подставила все еще красивое, несмотря на годы и беды, лицо исходящему от напитка ароматному пару.

– Где Миша? – тихо спросила она.

– Он еще ночью ушел в поселок, добывать детали для своей машины.

– О боже, – женщина зажмурилась от досады и легкой злости. – Я сколько раз его просила этого не делать. Сколько раз... И вот он снова пошел туда. Неужели он не понимает, что эти бандиты его когда-нибудь пристрелят? Как можно быть настолько беспечным? И как можно быть столь глухим к моим просьбам?

– Успокойся, Оливия. Миша всегда находил способ договариваться с ними. Потому он и ушел ночью, чтобы не тревожить тебя. И отчего ты называешь приморский квартет бандитами? Мне кажется, что с учетом всего произошедшего и того положения, в котором все оказались, они ведут себя пусть и жестко, но достаточно адекватно ситуации.

– Они установили в своей общине диктаторский режим, Тони.

– О, моя прекрасная, славная Америка! – засмеялся Квалья. – И вновь тебе чудятся всюду диктаторские режимы!

– Перестань, – поморщилась Собески. – Знаешь, я до сих пор не понимаю твоего странного юмора, хотя в своей жизни я никого не знаю столь долго и хорошо.

– А как же Михаил? – тихо спросил итальянец.

Оливия улыбнулась, слегка прикрыв глаза:

– А он – мое сердце. Хоть и сердит меня порой.

– Что ж, моя дорогая. Я неаполитанец. И юмор у меня неаполитанский. Мы рождались и жили в тени Везувия. И радовались каждому мгновению своей жизни, позволяя себе шутить обо всем. Даже о смерти. Ибо помнили мы печальную участь жителей Геркуланума, Помпеи и Стабии⁶ и знали, что обязаны ценить каждый миг своей жизни, потому что каждый следующий миг мог стать часом пробуждения вулкана. – Он отложил карандаш и устремил задумчивый взгляд на белую вершину Авачи. – Святая Дева Мария! Ох, Оливия, если бы ты знала, как я боялся в детстве Везувия. Особенно когда оставался дома один. Я глядел в окно и молил Вулкан не просыпаться. Ведь все плохое может произойти, только если родителей нет рядом. Мне почему-то думалось, что я непременно выживу, но не смогу найти в хаосе родных. Но я никому не признавался, как я его боюсь. Потому что страх этот был особый. Как какая-то странная форма доверительного общения между мной и этим вулканом. Как

---

⁶ Города Римской империи, уничтоженные катастрофическим извержением Везувия 24 августа 79 года н. э.

стокгольмский синдром, когда ты начинаешь питать странную форму симпатии к тому, кто тебе угрожает. И потому, когда мы с друзьями, все еще будучи детьми, уходили на склоны Везувия, играть в восставших гладиаторов, что укрылись на горе за столетие до его страшного извержения от римских легионов, я молчал. Молчал, что меня пугает мысль о восхождении на источник моих страхов. Молчал и шел, преодолевая страх.

– Потому ты и стал вулканологом, я помню, – улыбнулась и покачала головой Собески.

– Да. Я хотел посвятить себя разгадке всех его тайн. И научиться предугадывать его дальнейшие поступки. Я думал, что это позволит мне спасти жителей родного Неаполя, вовремя предсказав извержение, если Везувий таковое задумает.

Женщина подобрала ноги, устроившись поудобнее, обхватив их руками, и, уткнувшись в колени подбородком, тоже предалась воспоминаниям:

– А я родилась в Вест-Йеллоустоуне. Маленький городок в Монтане. В паре миль от границы с Вайомингом. И я жила на Гризли-авеню.

– Что, правда? – засмеялся Антонио. – Гризли?

Оливия улыбнулась:

– Да, Тони. Гризли-авеню. И я ловила рыбу с отцом на Мэдисон Арм. Он всюду брал меня с собой, как только я научилась ходить. Крохотные ножки маленькой Оливии протопали по всему огромному заповеднику. Покоряли горы Коффин, Болд Пик, Кирквуд Ридж. А потом, став чуточку постарше, я узнала, что эти прекрасные, сказочные места – одна гигантская бомба. Супервулкан, способный разрушить наш мир. И тоже познала страх. Везувий, Пинатуба, Кракатау, Авача, Ключевская сопка, Шивелуч, гора Святой Елены... Даже сложенные вместе, они не превзойдут по силе Йеллоустоун. Он просто Дарт Вейдер среди вулканов.

Антонио улыбнулся:

– Взгляни на это ясное чистое небо, Оливия. Если бы твой Дарт Вейдер проснулся, мы бы знали об этом. Пепел застилал бы солнце. И мы получили бы более долгую и холодную зиму, чем та страшная зима, последовавшая после войны. Так что все в порядке. А вот произошло ли что-то с Везувием за все эти годы, мне так и не узнать. Забавно, правда?

Собески подняла взгляд на собеседника:

– Что же ты находишь здесь забавного, Тони?

– Мы с тобой так боялись вулканов, приютивших наши колыбели и отбрасывавших зловещие тени на наше детство... Мы с таким энтузиазмом бросились их изучать, чтоб знать, когда они задумают недоброе... А в итоге уничтожили все маленькие, крохотные людишки...

* * *

Бродить по заводу, который был крупнее населенного пункта, в котором находился, можно было еще столько же лет, сколько он уже жил в его окрестностях. И при этом всегда имелся шанс обнаружить что-то полезное, в зависимости от потребностей. Северным сторонам корпусов цехов крепко досталось от ударной волны. Трубы заводской котельной давно рассыпались. Портовые краны на причалах опрокинуты. Половина корпусов частично разрушена. И практически все пострадало от огня. Однако поднятый взрывом из Авачинской бухты гигантский столб воды разнес по округе водяную взвесь, не давшую пожарам бушевать долго и распространиться далеко.

Михаил Крашенинников осторожно выглянул за угол административного здания. Уже давно рассвело, и попадаться местным на глаза он не хотел. Отношения с жителями поселка Приморского у них не сложились сразу. Еще бы! Не успел рассеяться султан термоядерного взрыва, как с неба рухнул вертолет. А в нем три человека из четырех живы, причем двое

из них в то время практически не говорили по-русски. Это могло вызвать и вызвало массу вопросов. Правда, поначалу люди были заняты паникой, тушением пожаров, разбором завалов и поисками близких. Но вот потом...

Михаилу стоило огромных усилий убедить местных, что иностранка с ним – это ученая из Финляндии, а с Финляндией никакой конфронтации и вражды не было. Чернобородый человек с ним вовсе не арабский террорист, а кубинский коллега, и с Кубой Россия дружила. Ему пришлось долго убеждать людей, что если бы эти двое были американскими диверсантами, прилетевшими, чтобы взорвать Камчатку, то перед этим их точно обучили бы в совершенстве владеть русским языком. И тогда толпа решила, что надо разорвать на части его, Михаила Крашенинникова. Потому что он в совершенстве владел русским языком, а значит, американский диверсант, который прилетел, чтобы взорвать Камчатку.

Первые дни были страшные. Настолько страшные, что он до сих пор вздрагивал, вспоминая их. Ни последующая долгая зима и голод, эпидемия в поселке и массовая смерть от лучевой болезни, ни раскол выживших на враждующие банды и воспоминания об этом так не охладили его нутро. Все это было тоже страшно. Но не так, как эти первые дни. Он не понимал, что произошло. Авария на лодке, метеорит, война? Знал только, что это точно не его профиль. Не какой-нибудь вулкан. Он не знал, что с ними будет через час и даже минуту. Что решит толпа? Он боялся за жизнь сильно травмированного Антонио. И он неописуемо боялся за Оливию. Тоненькую, напуганную, онемевшую от шока и, казалось, смирившуюся со скорой расправой молодую девчонку. Он понял, что чувствует по отношению к ней, в те страшные мгновения, последовавшие за взрывом. Хотя нет. Чувства у него появились, пожалуй, в первый раз, когда он ее увидел. Но оформились они, обрели понимание разумом лишь тогда, когда над ней нависла смертельная опасность.

Однако нашлись сердобольные люди. И помогли итальянцу, не зная, что он итальянец. Правда, в тех условиях трудно было даже надеяться, что его перелом срастется правильно. И теперь он обречен хромать до конца жизни. Но тогда было слишком много пострадавших и слишком мало людей, способных оказывать медицинскую помощь, чтобы имело смысл кого-то упрекать за это.

Ту зиму они пережили вместе, но он продолжал бояться. Одно неосторожное слово, и кто-то непременно поймет, что девчонка вовсе не из Финляндии, а самая что ни на есть американка. Что бородатый с переломом – итальянец. А значит, представитель союзной Америке страны. У людей ведь с самого начала чесались руки кого-нибудь убить за случившееся. И вдруг – такой подарок.

Как только позволили условия, Михаил нашел жилище для них троих. Среднюю из трех давно заброшенных казарм в нескольких сотнях метров от основных жилищ выживших жителей Приморского. Потом начались междоусобицы, но все это проходило как-то мимо их нового пристанища. А потом стало подрастать новое поколение из числа выживших. И самые сплоченные и достаточно умные из них – четыре подростка, которых сейчас именуют приморским квартетом. Именно они в один знаковый момент захватили власть и положили конец вражде группировок, перебив их непримиримых лидеров. А потом они сделали то же самое с выжившими в Вилючинске, городке гораздо крупнее, чем Приморский, находившемся километрах в трех к северо-западу от их общины. Выживших там оказалось больше, а значит, и больше банд. Это при том, что Вилючинск пострадал сильнее из-за того, что между ним и взрывом не имелось естественного защитного барьера, как у Приморского. Городок 51 был частично спасен полуостровом Крашенинникова, на котором находилась база подводных лодок. Именно по этому небольшому полуострову пришелся наибольший удар. А вот между Вилючинском и эпицентром не было почти ничего, кроме водной глади Авачинской бухты.

Наведя порядок в Приморском, квартет взялся за ближайший городок. Сначала разведка. Потом диверсии. Они умудрялись весьма успешно устранять лидеров наиболее серьезных группировок. А затем предложили сход оставшимся. Сход, на котором должно было произойти окончательное разделение сфер влияния банд, собрали в северной казарме. Совсем рядом с жилищем Михаила, Оливии и Антонио. В бункер под казармой спустилось тридцать девять человек. Вышли оттуда только четверо. Приморский квартет. Никто не знал, как именно они расправились с соперниками. Но с тех пор эту четверку боялись все. И авторитет их возрос неимоверно. Потом им пришлось некоторое время повозиться со сторонниками ликвидированных главарей банд, но теперь, и уже очень давно, Вилючинск находится под неоспоримым протекторатом приморского квартета. А другим выжившим появиться здесь просто неоткуда. Ближайший населенный пункт – Рыбачий – находился на четыре километра ближе к эпицентру. И кто не испарился там во время взрыва, догорел после него. Таким же мертвым и безжизненным выглядел находящийся на противоположном берегу Петропавловск-Камчатский. И взгляд на него в бинокль лишь подтверждал опасения, что жизни там нет уже долгие годы.

Осторожно оглядевшись, Михаил убедился, что на заводе пока никого нет. Он выкатил из пролома в стене тележку, загруженную сегодняшними пожитками, и прицепил ее к своему велосипеду, спрятанному в высокой траве у стены. Затем направился к берегу бухты, чтобы по серому прибрежному песку обойти общину и добраться до своего жилища.

Не успел он дойти до поваленной ограды территории завода, как услышал голос, донесшийся с крыши старого кунга, мимо которого Михаил в этот момент шел.

– Ай-ай-ай, Миша. Какой же ты скверный человек.

Крашенинников замер, медленно повернул голову и поднял взгляд. На крыше кунга на корточках сидел Андрей Жаров. Один из того самого квартета. В левой руке он перебирал четки из автоматных гильз, в правой держал пистолет ТТ.

– У нас ведь с тобой уговор, Миша, – продолжал Андрей. – Если ты хочешь поискать в нашей тихой гавани что-то для себя полезное, ты уведомляешь меня, или Горина, или Вишневого, или Цоя. Ты просишь у нас разрешения явиться сюда и копошиться в наших вещах. И только если его получишь, ты приходишь и роешься. А потом показываешь все, что добыл, и мы решаем, что ты можешь забрать просто так, что можешь забрать, предъявив адекватную плату, а что не можешь забрать ни при каких обстоятельствах. Забыл, крыса?

– Нет. Я не забыл, – вздохнул Крашенинников.

– Тогда как ты объяснишь, что ранним утром ты уже с полной тележкой пытаешься слинять с нашей территории?

– Я пришел ночью и не хотел никого из вас беспокоить. – Сказав это, Михаил поморщился от того, насколько глупо звучала эта отговорка.

– Ну и какого хрена ты пришел ночью, мать твою?

– У меня бессонница.

– Вот как, – ухмыльнулся Жаров. – Тогда позволь дать тебе бесплатный совет. Если у тебя бессонница, сдерни трусики со своей финской подружки и засади поглубже. Через пять минут уснешь как младенец.

После этих слов за кунгом раздался чей-то хохот, и оттуда вышел молодой парень с автоматом. Один из подручных квартета. А следом вышел Евгений Горин с СВД в руках. Он ткнул прикладом винтовки автоматчика в бок, чтоб тот прекратил смеяться.

– Или этой ночью не твоя очередь, а твоего хромоногого приятеля? – продолжил глумиться Жаров.

Кулаки сжались, и Михаил зло посмотрел на Андрея:

– Не смей так говорить!

Тот спрыгнул с кунга и подошел ближе.

– Или что?

– Я просто прошу проявить уважение...

– Уважение? – Голос Жарова был таким спокойным и в то же время угрожающим, что Михаилу хотелось уже, чтоб тот, наконец, сорвался на крик. – А с какой стати я должен проявлять к тебе уважение, а? Ты проявляешь к нам уважение? Ты нарушаешь установленные нами правила. Нарушаешь наш уговор. А теперь говоришь об уважении? Вытряхивай все из тележки.

– Послушай, Андрей...

– Вытряхивай все из тележки! – Он, наконец, повысил голос, но легче от этого не стало.

Крашенинников вздохнул и выполнил требование, опрокинув двухколесный прицеп своего велосипеда и высыпав на землю все, что тайком насобирал ночью.

– Та-а-к. – Жаров присел на корточки и принялся перебирать трофеи. – Это что? Паронит?

– Да. Но там еще много листов его. Я взял только два небольших куска.

– И зачем?

– Хочу вырезать из них прокладки на блок цилиндров и масляный поддон.

– Ах да, ты же там какой-то драндулет собираешь, – покачал головой, отбрасывая в сторону неровные куски паронита, Жаров. – Ну и как успехи?

– Пока не очень...

– Так, а здесь что? – Андрей размотал бечевку на тяжелом вещмешке.

– Шурупы, гайки, шайбы, гровера, гаечные ключи.

– Так-так. Вижу. Однако наглости у тебя хватило...

– Слушай, Андрей, здесь тонны этого добра.

– Разумеется, – кивнул Жаров. – Здесь тонны. Но и океан состоит из капель. А все эти болты и гайки на деревьях не растут. Нет сейчас производств. А значит, и ресурс этот не восстанавливающийся, в отличие от кедровых шишек и черемши.

– Я просто хочу собрать машину.

– Ну, а мне какой интерес в этом, а Миша?

– Что, если, собрав ее, я поеду в Петропавловск и привезу оттуда много полезных для вашей общины вещей?

– Мы восстанавливаем корабль. Не окажемся ли мы там раньше? – усмехнулся Жаров.

– Да, но машину собрать легче, чем...

– Конечно. Только ее собираешь ты один. А корабль восстанавливаем все мы. Итак. Какой мне интерес в твоей машине?

– Ладно. Пусть не Петропавловск, – вздохнул Крашенинников. – Что, если я поеду в Паратунку⁷ и привезу оттуда целебные грязи и минеральную воду? До Паратунки на корабле не добраться.

– Ну-ну. И кто тебе даст брать там грязь и воду? Или ты думаешь, что если в Паратунке давно никто не живет, то все, что там есть, никому не принадлежит? Все на этой земле принадлежит нашим общинам. А машины, кататься туда за целебными грязями и минеральными водами, имеются и у нас. Но знаешь, что на самом деле больше всего меня интересует? Где ты возьмешь масло и топливо для своей машины?

– У вас же этого добра море. Подземные хранилища флота и здесь, и в Рыбачьем были защищены от ударов, и большая их часть сохранилась...

– Вот, значит, как? И что меня убедит поделиться с тобой?

– У нас большие запасы кедровых шишек и хвои, – пожал плечами Михаил.

---

⁷ Паратунка – камчатский курорт, известный своими термальными целебными водами. Находится среди сопок, в десяти километрах к западу от Авачинской бухты.

– У нас тоже. Мы трудолюбивая община и дары природы собираем с большим усердием. Молодой папоротник тоже не предлагай. И черемшу, и щавель, и шиповник, и крапиву тоже. Каждый житель нашей общины обязан сделать себе запас на будущую зиму. А еще у нас есть пасека, и ферма с кроликами, и курятник. И крыжовник вдоль главной улицы растет с незапамятных времен. Так что ты можешь нам предложить?

– А чего ты хочешь? – вздохнул Крашенинников.

– Да бабу твою он хочет! – засмеялся автоматчик.

Андрей Жаров поморщился, поджав губы. Затем приподнял руку, давая Михаилу знак подождать, и, развернувшись, подошел к стрелку.

– Послушай, чучело, если ты еще хоть раз разинешь пасть, чтобы сморозить какую-нибудь хрень, я возьму твой автомат, запишаю его тебе в глотку, потом вытащу его у тебя из задницы и снова запишаю в глотку. Кивни, если понял.

– Прости... Жар... Я понял... – замямлил перепуганный стрелок.

– Ты, кажется, ни хрена не понял. Я ведь сказал тебе кивнуть, а не разевать пасть. Закрой ее вообще и не открывай, пока не придет время обеденного часа. Теперь понял, недоумок?

Тот кивнул, мгновенно покрывшись испариной.

– Замечательно. Теперь вернемся к нашим баранам.

Жаров продолжил перебирать трофеи Михаила, а Крашенинников смотрел на них с тоской, понимая, что труды ночной вылазки пропали даром.

– А это что, акварельные краски? – Андрей вертел в руках упаковку.

– Да.

– И где ты их взял? Ведь точно не на заводе.

– Это моему другу... Я их нашел...

– Где? Ну?

– Там, недалеко от проходной, домик давно заброшенный...

– Вот как? И на домике висела табличка «Миша Крашенинников может взять что хочет»?

– Нет...

– И знаешь, что это значит? Это значит, что ты не просто вор, но и мародер к тому же.

– Послушай, – пробормотал совсем осунувшийся Михаил, – я заплачу...

Он запустил руку в карман старых военных штанов и вытащил ее уже с пистолетом ПМ.

– Черт! – воскликнул Евгений Горин, тут же снимая с предохранителя винтовку и направляя ствол СВД на голову Крашенинникова. Автоматчик тоже среагировал. Еще мгновение, и они произведут выстрелы...

– Стойте, стойте, СТО-ОЙТЕ!!! – закричал Михаил, разводя руки в сторону и демонстрируя рукоятку пистолета. – Он пустой! Он без патронов! Это моя плата!

Жаров тут же выхватил у него оружие и, зло глядя на нарушителя местных порядков, прорычал:

– Откуда он у тебя? Отвечай, живо!

– Нашел.

– Где?

– Там, – Крашенинников кивнул на бывшее административное здание. – Внутри, завалы и я разбираю и наткнулся...

– То есть ты мне предлагаешь за украденные тобой вещи украденный у нас пистолет?

– Но я нашел его, черт возьми! – разозлился Михаил.

– Ты так ничего не понял, да? Все, что находится здесь... Не важно, где именно, а на подконтрольной нам территории и в Приморском, и в Вилючинске, – ПРИНАДЛЕЖИТ

НАМ! Я бы мог принять, что ты его нашел, в том случае, если бы ты пришел сюда копаться по закону, а не как крыса, под покровом ночи. Но ты воруешь наше имущество и им же с нами расплачиваться пытаешься!

– Я нашел этот пистолет и отдал его. Ты бы предпочел, чтоб оружие нашел кто-то из ваших людей, недовольных вашим правлением?

– Подними руки! – крикнул Евгений. – Андрюха, лучше обыщи его. Может, он патроны припрятал отдельно.

– Твоя правда. – Жаров принялся шарить по одежде Крашенинникова.

– У меня больше ничего нет, – зло проговорил Михаил. – Я пришел без вашего ведома, потому что вы забираете треть того, что у меня получается добыть. И мне это порядком надоело.

– Вот, значит, как? – усмехнулся Андрей, убедившись, что больше ничего нарушитель не утаил. – А знаешь, почему треть? Потому что вы там живете сами по себе. Воркуете, устраиваете групповичок, не знаю, мне вообще насрать, чем вы там занимаетесь. Самое важное, что вы не работаете на общее благо. Так кто, кроме тебя, скажи мне на милость, может быть недоволен нашей властью, а?

Сказав это, он вдруг повернулся к автоматчику:

– Рябой, а ну ответь, может быть, ты недоволен нашей властью?!

Брови стрелка поднялись, он молчал и только замотал головой.

– Ты язык, что ли, проглотил?

– Андрюх, ты же сам ему велел рта не раскрывать, – засмеялся Горин.

– Отменяю на четыре минуты. Говори.

– Я всем доволен! – выдохнул стрелок.

– Конкретней. Почему. Говори!

– У нас нет воровства! У нас нет голода! У нас справедливое перераспределение ресурсов! Никто не остается со своей бедой один на один. И вы нас заставляете читать! – одним выдохом крикнул Рябой.

– Заставляем? – поморщился Андрей. – Ты охренел?

– Нет. Не заставляете! Симулируете!

– Стимулируем, дурень, – тихо подсказал ему Горин.

– Ой, да! Стимулируете чтение! Много читать!

– А почему? – прищурился Жаров.

– Потому что каждое последующее поколение не должно быть глупее предыдущего!

– Вот молодец. Ты слышал, Миша? Они всем довольны.

– Ну-ну, – скептически и с презрением покачал головой Крашенинников.

– А теперь о главном. – Жаров взял у Евгения СВД и, направив ствол оружия на Михаила, прильнул к оптическому прицелу. – Ты был недоволен, что мы оставляем тебе треть добытого. Сейчас ты не получишь ничего. Вообще ничего. Скажу больше. Если ты еще раз сунешься к нам без предупреждения и без нашего разрешения, я больше не буду ничего говорить. Я посмотрю на тебя вот в этот самый прицел в последний раз и спущу курок. Потом мы придем в вашу нору и перережем горло твоему хромоногому другу. А твою женщину, Миша, мы заберем с собой, как плату за потраченный на твою голову патрон. Но мы великодушны. И наш уговор в силе. Если тебе что-то нужно найти, приходишь, просишь разрешение, ищешь, демонстрируешь добытое. Но в качестве наказания ближайшие десять дней лучше не приближайся к нашей общине. Ты все понял?

– Да...

– Прекрасно. А теперь убирайся. И помни. Десять дней.

Крашенинников поднял свой велосипед, поправил тележку и угрюмо направился к дороге. Скрытно уходить по берегу бухты уже не было смысла.

– Стоять! – крикнул вдруг Жаров, когда Михаил уже вышел за ограду.

– Что еще? – зло отозвался он, обернувшись.

Жаров и Горин подошли к нему, и Крашенинников заподозрил что-то недоброе.

– Мне, конечно, плевать, – с презрением заговорил Андрей. – Но Женя у нас гуманист и настаивает, что мы тебя должны предупредить еще кое о чем.

– Я слушаю.

Горин поправил соломенного цвета челку и кивнул.

– Правильно делаешь, что слушаешь. Ты помнишь, как в прошлом году здесь объявился гигантский медведь? Слышал об этом? Он у нас разорил дальнюю пасеку и один из крольчатников.

– Да, помню. Потом, вроде, что-то еще зимой было связано с ним.

– Верно, – кивнул Евгений. – Он задрал одного из наших людей. И еще троих в Вилючтинске. Следы там были такие же. Так вот, похоже, этот монстр вернулся. Два дня назад одна из наших групп собирателей пропала. Два человека. Позже мы нашли их. Вернее, то, что не доел зверь. И следы огромных медвежьих лап. Я тебе очень советую не отпускать твоих друзей в сопки.

– Черт, но нам ведь тоже надо готовить запасы на зиму. Я что-то сомневаюсь, что вы с нами поделитесь или дадите мне оружие.

– Ты чертовски догадливый, – усмехнулся Андрей. – Ни хрена ты от нас не получишь, особенно после сегодняшнего. Но все же есть вариант, мы же не звери, в конце концов.

– И что это за вариант?

– Твоя женщина может приходить к нам в общину на рассвете. И уходить в сопки в составе наших групп собирателей. Они теперь будут при оружии. Но пятую часть добытого она будет оставлять нам.

– Почему именно она? – напрягся Михаил.

– А вот тут соображалка тебя подводит, – вздохнул Жаров. – Потому что твой хромоногий кубинский друг будет только обузой. Он же еле ходит. Но если ты думаешь, что кто-то из нас причинит твоей бабе вред, то ты нас оскорбляешь. Впрочем, решать все равно тебе. Если хочешь, можешь сам приходить к нам и присоединяться к группам, что уходят в сопки. Но десятидневное эмбарго на твое появление мы не отменяли. И ты будешь не пятую часть собранного оставлять, а половину. Выбор за тобой. И помни о нашем великодушии.

Глава 2

Приморский квартет

У каждого из них было имя. И каждый обладал прозвищем. Точнее, почти каждый. У Александра Цоя не было прозвища. С такой фамилией оно и не нужно. Андрея Жарова называли Жар. Тут все понятно. Сокращение фамилии, но, возможно, и взрывной характер сказывался. Жене Горину его прозвище – Гора – ну никак не подходило. Даже созвучность с фамилией не помогала в восприятии. Евгений был не столь высок и могуч. Да еще спокойный и добродушный на вид. Но местные сопки тоже выглядели спокойно и даже добродушно. А ведь это маленькие горы. Никита Вишневецкий имел свое прозвище уже по иным причинам. Его называли Халф-Лайф. Но гораздо чаще просто Халф. И уж совсем редко – Фримэн. Никита был высок, худ, с тонкой ухоженной бородкой, да еще и в очках. Вылитый персонаж компьютерной игры. Правда, уже все позабыли давно о компьютерах и играх. Наверное, так же, как, будучи детьми, эти четверо не могли понять, что это за железный ящик посреди хлама в заброшенном еще задолго до войны кинотеатре. Именно на этом ящике когда-то они увидели странного незнакомца, сеговавшего на то, как все скверно стало в городке его детства. А это был всего-навсего игровой автомат – «Морской бой», привычный совсем другому поколению.

Андрей Жаров задумчиво смотрел на ржавое железо. И даже нашел взглядом кирпич, который швырнул в этот ящик накануне того страшного взрыва. Сейчас он прекрасно понимал незнакомца, приехавшего из Москвы, чтобы с грустным видом сидеть здесь, на останках своего детства.

– Ну что скажешь, Жар? – спросил один из группы бойцов. – Тут на крыше самое то оборудовать пост. Если медведь появится, то мы его издалека заметим.

– Нет, Стас, – сказал Андрей и, подняв небольшой камень, кинул его в корпус от «Морского боя», как много лет назад. До катастрофы.

– Это еще почему? – разочарованно развел руками боец. – Отсюда вид хороший. Ты поднимись наверх, сам погляди.

– Я знаю. Мы в детстве эти руины излазили вдоль и поперек. Но уж больно оно ветхое. Обрушится вместе с вами, и все.

– Да с чего оно обрушится, Андрей? Столько лет стоит и...

– Все когда-нибудь рухнет, Стас. Абсолютно все. Вчера были толчки. Сегодня утром, кажется, тоже.

– Да тут эти микроземлетрясения всегда, Жар. Как вопли чаек.

– Ищите другое место для наблюдательного поста. Здесь опасно. Может обрушиться. – Жаров был непреклонен.

Он вышел из обросшего бурьяном и молодыми деревьями древнего здания кинотеатра «Виллой» и неторопливым шагом двинулся к центральной улице Приморского. У ржавого корпуса старых «Жигулей», давно вросших в землю, был припаркован его велосипед.

По дороге с юга приближались три гужевые повозки с людьми. Живых лошадей удалось добыть уже давно в Вилючинске. К счастью, эти животные были способны давать потомство. А в нынешних условиях они просто незаменимы. Караван с юга на самом деле возвращался с полуострова Крашенинникова. Это была седьмая экспедиция в поселок Рыбачий. Путь по суше, огибая бухту Сельдевую, превращался в два десятка километров, хотя между уцелевшим Приморским и выжженным Рыбачьим было всего чуть больше четырех. Жаров наклонился, вытянул травинку и, сжав ее зубами, стал ждать, когда мимо пройдет караван.

В последней повозке был сам Халф. Увидев друга, он спрыгнул на землю и направился к нему, велел остальным двигаться дальше.

– Долго вы. Трое суток почти, – сказал Жаров, пожав руку Вишневого.

– Еще обшарили пару мест. Вот и задержались.

– Понятно, – вздохнул Андрей. – Судя по твоему выражению лица, то, что нам нужно, вы так и не нашли?

Никита мотнул головой:

– Нет. Да я тебе уже давно говорю, что пустая эта затея. Не могли они их хранить в том же месте, где и лодки были.

– И почему ты так считаешь?

– Да потому же, почему и раньше. Из соображений безопасности. Чтобы все одной ракетой не накрыли супостаты.

– Это-то понятно. Но у нас в заводе стоит единственная уцелевшая ударная атомная подводная лодка. Разумеется, когда лодка встает на ремонт, с нее выгружают оружие и топливо из реакторов. Топливные элементы мы нашли в глубоком бункере под заводом. Где торпеды и ракеты? На заводе их нет. Мы за эти годы перерыли все. Да и рабочие с завода о них не слышали. Значит, их выгрузили в Рыбачьем, перед тем как загнать сюда. Логично?

– Логично, если нет более детальной информации, – кивнул Вишневский. – Но мы не нашли ничего. Возможно, боеприпасы были перегружены на те лодки, что сейчас лежат на дне у причалов Рыбачьего. Или на те лодки, что ушли в океан перед войной.

– Где-то должны быть хранилища боеприпасов.

– Да на кой черт они тебе, Андрей?

– Если мы восстановим лодку, то выпускать ее в мировой океан без оружия я не собираюсь.

Никита засмеялся:

– Ты все еще одержим этой затеей? Кто поведет эту лодку?

– Здесь и в Вилючинске остались люди, которые служили на флоте. И на лодках в том числе.

– Дряхлеющие старики, – махнул рукой Халф. – Как ты убедишь их отправиться в плавание? Они хотят спокойно дожить свой век. А здесь, быть может, самое благополучное и спокойное место для людей, что остались.

– Никита, напомни-ка, сколько там лодок затонувших у причалов после взрыва покоится?

– Четыре. Одна дизельная. Остальные атомные. Ты сам в прошлую экспедицию там был и видел.

– Три атомные лодки – это шесть реакторов. Не говоря уже об оружии на борту. А теперь представь, что когда-нибудь соленая вода съест железо и вскрыет содержимое лодок. Тогда все. Тогда здесь действительно нельзя будет жить. Все когда-нибудь рухнет...

– Так это когда будет, Андрей? Лет сто пройдет. Я вот где-то читал, что после Второй мировой войны союзники затопили все химические снаряды и бомбы Гитлера в Балтийском море⁸. А ведь там сплавы не такие крепкие, как у последних лодок и уж тем более у реакторных и ракетных отсеков. Однако я не слышал, чтоб вещества из этих боеприпасов просочились в море. Во всяком случае, до того дня, когда сюда прилетела эта чертова ракета.

Жаров покачал головой:

– Эх, Никитос, Никитос. А еще очки надел. Типа умный...

– Да иди ты, – засмеялся Халф. – Здесь-то как дела? Что нового?

---

⁸ Отсылка к роману «Метро 2033: Наследие предков», в котором эти боеприпасы окончательно сгнили и их содержимое отравило Балтику.

– Злая⁹ оценилась. Семерых родила. Это хорошая новость, потому что собаки нам нужны. Хотя бы для ночной охраны завода. Сегодня с утра опять этого чертова вулканолога поймали там. Хотел его пристрелить сразу, да патрон пожалел. Кстати, если увидишь его ближе бывшего военного лазарета, можешь смело валить. Мы ему запретили приближаться к общине ближайшие десять дней.

– Оставил бы ты их в покое, Андрей.

– А я их и не трогал, Никитос, – нахмурился Жаров. – Но он лезет и ворует у нас.

– Ладно, а какая плохая новость? Не крысятничество Крашенинникова ведь?

– Нет. Не это. Медведь вернулся.

– Что, тот самый? – сразу помрачнел Вишневецкий.

– Похоже, что тот. Следы особи килограмм на восемьсот с лишним. И уже потери есть.

– Кто?

– Лапин и Кирсанов.

– Старший или младший?

– Кирсанов? Старший... Вот сейчас дополнительные посты расставляем. Не хочется, конечно, с завода и ферм людей снимать. Но эту зверюгу уже пристрелить надо. Достала, сука.

– Может, запросим дополнительный отряд из Вилючинска и облаву устроим?

Андрей кивнул:

– Я думал об этом уже. Но там своих работ по ноздри. Да и зверю ничего не стоит метнуться в Вилючинск, пока мы его здесь ловить будем. Весточку им я уже отправил, чтоб начеку были. К тому же большие облавы на медведя, да еще без обученных собак, – дохлый номер. Почует неладное и сбежит, как и в прошлый раз. Его заманить надо. Заманить и грохнуть падлу.

* * *

Михаил Крашенинников не торопился заходить в дом. Точнее, в огромную казарму, что была домом для них троих. Он сидел на ступеньках у входа и задумчиво смотрел на стебли подсолнухов, что Оливия старательно выращивала в том месте, где когда-то был забор воинской части. Камчатское лето было слишком коротким, чтобы подсолнухи выросли до конца. Однако и тех крохотных семечек хватало на корм в их небольшом курятнике и даже на несколько литров масла за сезон.

– Ты так и будешь там сидеть у порога, как провинившийся пес? – послышался голос Антонио из окна третьего этажа.

– Как ты узнал, что я уже вернулся? – вздохнул Михаил, наматывая сорванную травинку на палец.

– Я это понял еще минут сорок назад, когда услышал скрип твоего велосипеда. Поднимайся уже. Я салат из одуванчиков сделал.

– А где Оля?

– Она тебя с нетерпением ждет.

– Потому и не поднимаюсь.

– От судьбы не уйдешь, Миша. Поднимайся, съешь салат и достойно прими смерть.

– И ты, Брут?..

– А-ха-ха! – Квалья расхохотался. – Ну все, Цезарь! Рубикон пройден! Твой час настал!

Поднимайся...

---

⁹ В конце 80-х годов в этом городке действительно жила довольно крупная бездомная дворняга, которой местная детвора (включая автора) дала прозвище Злая. Также постоянным спутником этой собаки был пес по кличке Гуляш.

Михаил вздохнул, поднимаясь с подогретых летним солнцем ступенек, и направился внутрь.

Жилища этой троицы были оборудованы на первом и втором этажах здания казармы. На первом этаже жил Антонио. Из-за хромоты ему необходимо было находиться ближе к выходу из здания в случае землетрясения, которыми славилась Камчатка. Оливия и Михаил жили на втором, поскольку уже давно не являлись просто коллегами. Они были семьей. Здание достаточно большое, с высокими потолками и огромными помещениями, в которых когда-то располагался целый военный батальон. Именно поэтому им пришлось в свое время приложить немало усилий, чтобы оборудовать дополнительные стены, уменьшая жилые помещения, в которых зимой легче удерживать тепло домашнего очага. Третий же этаж был для них чем-то вроде большой летней веранды. Прекрасный вид, большое пространство и много дневного света из больших прямоугольников оконных проемов.

Он неторопливо поднялся наверх, и его действительно ждала Оливия. Ей уже не двадцать пять, как когда-то, во времена краха всего мира и внезапно вспыхнувших между ними чувств. Поначалу им казалось, что все это из-за попытки забыть. Что их рассудок борется с безумием от осознания случившейся катастрофы и потому бросает обоих в пучину страсти, горячей, как извержение вулкана. Но теперь их чувства проверены временем. Да, ей уже давно не двадцать пять. И он уже не молодой камчатский ученый, еще не решившийся взяться за работу над докторской диссертацией.

Но Оливия все так же прекрасна, и не замечал он, чтоб она сильно изменилась с того дня, как Антонио набросал в блокноте на них карикатуру. И сейчас эта карикатура висела на стене, среди остальных работ Антонио.

Михаил взглянул на нее и улыбнулся. Все тот же золотисто-пепельный цвет волос и те же большие голубые глаза. И даже когда сердится, вот как сейчас, она все же прекрасна.

– Привет, – как ни в чем не бывало выдавил Крашенинников, глядя на ее напускную суровость и упертые в бока кулачки. – Оля, ты же американка, а встречаешь меня совсем как-то... по-русски...

– И что, ты решил, что ты сейчас придешь, пошутишь, я разомлею от счастья и упаду в твои объятия? – строго спросила она.

Михаил уставился в потолок, затем опустил глаза к возлюбленной и кивнул:

– Ну, было бы неплохо. Почему бы и нет?

– Да потому что ты asshole, Майкл! – воскликнула Оливия.

Они уже давно называли друг друга Оля и Миша. Крашенинников иногда, в минуты интимной близости, поизносил с трепетом «Оливия», сладостно смакуя каждый звук в этом мелодичном имени. Но вот когда Оливия злилась, то Миша очень быстро превращался в Майкла, и к тому же она, сама того не замечая, разбавляла русскую речь, которой теперь владела почти в совершенстве, уже давно не употребляемыми родными словами. Особенно ругательными.

– Да, но я ведь твой asshole. У вас же так заведено...

– Нет, Миша, у них принято хорошо относиться к их сукиным детям¹⁰, а не к... – вмешался Антонио, но договорить не успел.

– Shut up! – крикнула на итальянца Собески.

– O, mamma mia, beh, così sia! – Квалья поднял руки и отвернулся.

---

¹⁰ «Да, он сукин сын, но он наш сукин сын» (один из вариантов) – фраза, которую приписывают различным американским президентам как ответ на упреки в адрес какого-нибудь латиноамериканского диктатора, жестокостей и преступлений которых правительство США не замечает.

– Послушай, Михаил, – продолжала негодовать Оливия. – Разве я не просила тебя не связываться с этими бандитами? Разве я не умоляла тебя не нарушать их правил и не злить их?

– Просила, – виновато вздохнул Крашенинников.

– Тогда какого черта ты опять это сделал?! Почему снова ушел посреди ночи?!

Еще один вздох:

– Послушай, Оля, я проснулся. Мне показалось, что было землетрясение. Я проснулся и не мог уже уснуть. Ждал, будут ли еще толчки, чтоб разбудить тебя и вывести на улицу. Но они не повторились. Тогда я пошел на завод...

– Кстати, – снова вмешался в семейную ссору Квалья. – Я тоже почувствовал землетрясение. Так что он не врет.

– Уже четвертое за неделю? – Михаил взглянул на друга, надеясь уйти от ссоры в совершенно другой разговор.

– Вообще-то третье, – улыбнулся Антонио. – За сутки. Ночью было три серии подземных толчков. Тебя разбудила последняя серия.

– Что-то зачастили они в последнее время. – Сказав это, Крашенинников сел в свободное кресло и принялся снимать ботинки. Кое-какие трофеи он все-таки от Жарова утаил. В его обуви находились три линзы от разбитого бинокля, что он обнаружил во время своего ночного рейда.

– Я даже могу тебе подсказать почему, – продолжал Антонио.

– Да? И почему же?

– Так, а ну хватит! – крикнула Оливия. – Майкл, прекрати меня игнорировать!

– Я не игнорирую тебя, Оля, – снова обувшись, Михаил поднялся.

– Ты игнорируешь! Ты пренебрегаешь! Ты тайком оставил меня ночью и пошел ворошить это бандитское гнездо! А ты не подумал, что произойдет со мной и Тони, когда они тебя в один прекрасный момент застрелят?!

– Вот уж не ожидал, что этот момент будет для тебя прекрасным, – нахмурился Крашенинников.

– Прекрати! Ты отлично понимаешь, о чем я сейчас!

– Проклятье, Оливия, да я это делаю ради тебя! Я все делаю ради тебя, черт возьми! И эту машину я пытаюсь собрать ради тебя!

– Объяснись, чтоб тебя! Или ты из тех дураков, что считают, будто девчонкам нравятся только парни с тачками?!

– Можно подумать, что это не так, – хохотнул Антонио.

– Заткнись!

Михаилу сейчас хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Похоже, Оливия была не просто сердита. Ее переполняла самая настоящая ярость. Ему порядком испортила настроение на десяток дней утренняя встреча с представителями приморского квартета, но нынешний напор его женщины грозил вывести Крашенинникова из равновесия окончательно.

– Оля, сколько раз ты говорила, как скучаешь по дому? Сколько раз ты задавалась вопросом, что стало с твоей страной? Эта машина – единственная возможность. Я не могу украсть у квартета тот корабль, что они ремонтируют. Но я могу собрать машину. И мне осталось совсем немного.

Собески поморщилась, выражая этим свое отношение к подобной затее, которая ей казалась как минимум нелепой:

– На машине пересечь Камчатку? Ты сам в это веришь? Больше двух тысяч километров до Берингова пролива по суше. И не просто по суше – а по одному из самых непроходимых ландшафтов в этих широтах. Сопки, горы, вулканы, каньоны, а потом тундра!

– Я знаю...

– Вы осваивали этот полуостров дольше, чем мы строили свою страну, и у вас здесь дорога только до Усть-Камчатска! Всего пятьсот километров! Эта земля настолько непроходима, что прежде чем отправить на Луну свой аппарат, вы испытывали его именно здесь!¹¹

– Я знаю, Оливия!

– Тогда почему ты мне сейчас говоришь подобную чушь?!

– Да потому что ты хочешь домой! И я хочу помочь тебе!

В кресле снова тихо хохотнул Квалья:

– Миша, а если я скажу, что хочу вернуться в Неаполь, ты построишь для меня самолет?

– Черт тебя дери, Тони, прекрати, а! – вскинул руки разгоряченный Крашенинников.

– И почему тебе взбрело в голову восстанавливать машину через столько лет, если ты и веришь в эту безумную возможность добраться до Северной Америки?

– Все эти годы я ее и восстанавливаю. Или ты забыла? А еще меня сводит с ума мысль, что остаток жизни мы проведем здесь. Нет, конечно, я люблю свой родной край. Я люблю эти сопки и вулканы. Но ведь есть еще целый мир. И я не прощу себе, что до конца своих дней так и не узнаю, что же творится за пределами этого затерянного между Тихим океаном и огромным Охотским морем полуострова.

Собески разочарованно покачала головой:

– Вот, значит, как? Знаешь, а мне все равно, где я проживу остаток жизни. На Камчатке, в Монтане, Вайоминге, Средиземье или планете Пандора. Меня беспокоит только одно. Будешь ли ты все эти оставшиеся мне годы рядом, или уйдешь тайком однажды и больше никогда не вернешься?

Михаил устало опустил руки и виновато посмотрел на Оливию:

– Оля, ты же знаешь, что я тоже тебя люблю. И я всегда к тебе вернусь...

– Не верь! Он просто грин-карту хочет! – бросил очередную шуточку Квалья.

– Да ты уже достал, Антон! – гневно заорал Крашенинников.

Квалья что-то тихо проворчал, взял свою трость и, поднявшись, направился к выходу.

– Я достал, – с горькой ухмылкой говорил он, глядя перед собой. – В воспоминаниях о моем детстве, помимо угрожающе-тихого Везувия за окном, отпечаталось еще кое-что. Частые ссоры моих родителей. Темпераментные итальянцы ругаются ярко и памятно. Впрочем, вы их уже переплюнули. А потом все мы имели радость лицезреть, как весь мир поссорился с рассудком, здравым смыслом и самим собой. Я бы отдал здоровую ногу тому, кто сумел бы показать вам, насколько вы сейчас безобразны в своей ругани...

Сказал он это с такой тоской и надрывом, рвущимися из души, что трудно теперь было поверить в то, будто это именно Антонио так зло и безапелляционно шутил про самолет до Неаполя и грин-карту для Михаила.

Итальянец уже вышел за пределы большого помещения и направлялся к лестнице, когда его окликнул Крашенинников:

– Антон, постой.

Тот остановился и нехотя обернулся, опершись двумя руками на трость.

– В чем дело? Разве я не все акты вашей эсхиловской драмы имел честь узреть?

– Не выходи на улицу, – ответил Михаил.

Квалья нахмурился.

– Это еще что за запрет?

– Это не запрет, Антон. Это предупреждение. Тот медведь-убийца, похоже, снова орудует где-то в окрестностях. В Приморском два человека погибли.

---

¹¹ В 1969 году советский «Луноход-1» испытывался на лавовых полях возле вулкана Толбачик (Камчатка). Позже, в 1986–1989 годах, там также испытывались советский «Марсоход» и «Венероход».

– Ясно, – коротко ответил Антонио и медленно двинулся на нижний этаж, стуча тростью по ступеням бывшей казармы.

Оливия в это время отошла к окну. Она продолжала сердиться на Михаила и, чтобы хоть как-то справиться со своим гневом, решила просто на него не смотреть. Лучше устремить свой взор на бухту, сопки и далекий вулкан. Камчатские пейзажи умели умиротворять и заставляли забыть обо всем, кроме вечности. Нигде планета не казалась такой живой, как здесь, где ее дыхание и пульс чувствовались во всем – в обыденных земных толчках, термальных источниках и зыбких дымках над вершинами огнедышащих гор.

По истрескавшейся единственной дороге, что соединяла поселок Приморский с Вилучинском, неторопливо катила телега, сделанная из легкового автомобиля. Теперь у этого транспортного средства только одна лошадиная сила. Животное погрузило голову в мешок с соломой, свисавший с лошадиной шеи, и лениво тянуло за собой телегу. Немолодой уже извозчик чему-то ухмылялся, сжав во рту длинный тростниковый стебель, и отмахивался от комаров березовой веточкой, которой изредка хлестал лошадь по крупу. Рядом с извозчиком лежал короткоствольный автомат АКСУ. А позади, в кузове, на каких-то тюках сидел еще один человек. Он, не зная пощады, рвал меха выдавшего виды баяна и горланил на всю округу матерные частушки:

Шел я лесом, видел беса,
Бес уху себе варил!
Котелок на хрен повесил,
А из ж...ы дым валил!

Шел в Авачу пароход!
Небо голубелось!
Девки без билетов плыли,
На ма...у надеясь!

Пусть не встанет на жену,
И на молодушку!
Щас гармошку натяну,
Сбацаю частушку!..

Дальше визг музыкального инструмента только усилился, а похабный баянист подпевал ему залихватским свистом. Извозчик повернул голову и вдруг заметил в окне казармы Оливию. Он тут же развернулся и хлестнул березовой веткой своего попутчика по уху.

– А ну захлопнись, дурень, со своей похабенью! Баба, вон, смотрит!

Баян жалобно брякнул, выпуская остатки воздуха, и музыка прекратилась. Певец уставился на Оливию и приподнял водруженное на его голову соломенное сомбреро:

– Экскузе муа, синьорита! Простите великодушно убогого провинциала!

Собески лишь махнула рукой и мотнула головой, дескать, ничего страшного. На самом деле она уже привыкла к тому, что каждый день проезжающие в обе стороны курьеры, слушающие коммуникацией для двух населенных пунктов, постоянно орут какие-то сомнительные песенки.

– Ну что за люди, – совсем тихо, почти самой себе, произнесла Собески. – Поет с ненормативной лексикой на русском. Извиняется на помеси французского с испанским или итальянским. А на голове у него мексиканская шляпа.

– Ну, это же Россия, – отозвался осторожно подошедший к ней Михаил.

Они проводили взглядом удаляющуюся в сторону Приморского телегу.

– Не ходите в сопки, граждане! – крикнул на прощание баянист. – Там медведь, сука, опасный!

Крашенинников улыбнулся:

– Нормальные же люди. Не унывают, несмотря ни на что.

– Я не желаю с тобой разговаривать, Майкл, – продолжая смотреть в окно, отозвалась Оливия.

Михаил вздохнул, поджав губы. Делать нечего. Этот вулкан злости в его возлюбленной непременно остынет. Только надо чуть-чуть подождать. А пока можно так же молча смотреть в окно. И при любом настроении, в любом случае, взор привлекает к себе большая белая гора.

Он смотрел на Авачинский вулкан несколько минут, как вдруг что-то в этой горе ему показалось не совсем обычным. Нет, он так же безмолвствовал. Даже легкой дымки с его вершины не было заметно, как это бывало в предыдущие годы. Авача не стала выше, ниже или шире. Но что-то неуловимо новое в ней все-таки было. Михаил отошел от окна и взглянул на свежую картину своего итальянского друга. Затем на предыдущие. Вот на стене висит прошлогодняя. А вот на этой дата позапрошлого года. И снова на свежую, с подписью автора и годом – 2033.

– Ледник... – пробормотал Крашенинников, сравнивая картины, что с такой любовью к фотографической точности воспроизводил Квалья. – Оливия, ты заметила, что большая часть ледника на склонах Авачи в этом году растаяла?

– Лето теплое, – брезгливо отозвалась Собески не оборачиваясь.

– Прошлое было таким же теплым. Даже очень...

– Все верно, – подал голос Антонио. Он возвращался, хромая и стуча тростью, а в руке сжимал старую самодельную подзорную трубу. – Прошлое лето было даже жарче. Почти как в Неаполе...

Он протянул трубу Михаилу, и тот с жадностью прильнул к ее окуляру, усилив свой любопытный взор линзами, уставившимися на далекий вулкан.

– Ледник почти на две трети растаял! – воскликнул он. – Если не летнее солнце, то внутреннее тепло!

– Верно, – кивнул Квалья. – Но воздух над вершиной кристально чист. Нет никаких выбросов. Это значит, что жерло крепко закупорилось породой, а тепло и давление в магматической камере растет. Но то, что ледник растаял...

– Свидетельствует о том, что магматическая камера почти у поверхности, – взволнованно закончил мысль друга Михаил.

Оливия выхватила у него подзорную трубу и тоже стала разглядывать склоны Авачи.

– А еще подземные толчки стали чаще, – улыбнулся Антонио. – Друзья, мы накануне светопреставления.

Волнение полностью захватило сознание Крашенинникова. Впервые за долгие годы в их жизни проснулась почти забытая страсть к вулканам. Впервые, после постигшей всех катастрофы, превратившей жизнь в унылую беспросветную рутину, они были на грани предвкушения события величественного, грандиозного и масштабного.

– Антон, как думаешь, когда это случится?

Тот пожал плечами:

– Трудно сказать, Миша. Может, месяцы. А может, пара лет. Хотя не исключая, что это может произойти и сегодня. У нас ведь совсем нет данных. Только визуальное наблюдение с такого большого расстояния.

– Хорошо бы, чтоб вулкан не просыпался до зимы. Иначе его пепел быстро закончит наше теплое лето... – с тревогой проговорила Оливия. Она единственная не источала радостного возбуждения от перспективы скорого извержения вулкана Авача.

* * *

Пара ложек меда с пасеки, и хвойный кедровый чай уже не так горек, но все так же полезен. Жаров подул в кружку, чтоб остудить горячий напиток.

– Рубаха, ты не тараторь, будто за тобой гонится кто. Говори вдумчиво. Чаю хочешь?

Они находились на втором этаже школы. В одном из классов, чьи окна выходили на бухту, завод и весь поселок. Много позже сотрясшего весь край взрыва окна с этой стороны частично заложили кирпичом и шлакоблоками. Оставшиеся застеклили. Благо, уцелевшего стекла на разных складах было в достатке. Сейчас здесь была штаб-квартира приморского квартета. Они жили в родной школе. Собирали здесь народные сходы, а также держали главное достояние своего правления – народную библиотеку. Она находилась на первом этаже. И классы школы были оборудованы в читальные залы. Чтение в общине было не просто какой-то прихотью эксцентричных правителей, а залогом будущего, по их же словам. И чуть ли не главным девизом и лейтмотивом их правления была фраза: «Каждое последующее поколение должно быть мудрее предыдущего». И бывшая школа продолжала выполнять свои первоначальные функции. Детей, конечно, сейчас было не так много, как в былые времена, но все же они были. И на первом этаже находились учебные классы для них. Члены приморского квартета иногда присутствовали на уроках, а иногда и сами их вели, стараясь сделать сегодняшних детей мудрее, чем их поколение, пережившее страшные лихолетья и поколение предыдущее, уничтожившее собственный мир.

– Чаю-то? – Вестовой из Вилючинска, в соломенном сомбреро и с баяном за спиной, улыбнулся. – Да кто же откажется?

– Ну, вон чайник. Вон кружка. Вон хвоя. Заваривай и садись, – кивнул Андрей и отпил из своей кружки.

– А чего тут так мочой пахнет, а, Жар? – спросил вестовой, подойдя к соседнему столу и заваривая себе кедровый чай.

Андрей обернулся и посмотрел через плечо на большую деревянную будку, сооруженную в дальнем углу помещения. В будке имелась низенькая дверь и несколько маленьких окошек с мутным красным стеклом. Запах явно шел оттуда, хотя это вовсе не туалет.

– А ты не принимайся. Чай пей да рассказывай.

В класс вошли еще двое. Женя Горин и крупнотелый Александр Цой, как всегда в черной бандане с черепами и двумя жгуче-черными косами. В одну сплетены длинные волосы на затылке, в другую косу превращена того же цвета борода. Нижняя часть бороды-косы была обжата серебряным перстнем с черепом.

– О, Рубаха! Здравова! – воскликнул Цой и так хлопнул гостя по спине своей ручищей, что тот расплескал почти половину содержимого кружки. – Дай баян поиграть!

– Не дам, только починил, – запротестовал Рубаха.

– А чего ты его все время с собой таскаешь?

– Ага, оставлю в тарантайке, так ваша детвора опять его уташит и меха порвет...

– Кстати, – заговорил Евгений, – насчет детворы. Если ты еще раз, проезжая мимо детского садика, будешь петь свои похабные частушки, я тебе не только меха порву, но и задницу. Договорились?

Сказав это, Горин с улыбкой посмотрел в глаза гостя и, взяв чайник, долил в его кружку кипятка, немного переборщив и плеснув на ладонь.

– Тс-с-с, а-ай! – Рубаха принялся растирать ужаленную кипятком руку. – Пардоньте, ребята. Неужто я так громко пел, что детишки слышали?

– Ты, сучий потрох, так орал, что тебя, небось, в Паратунке слышно было, – покачал головой Женя.

– Ну, ай эм сорри, чё. Учту на будущее.

– Давай рассказывай уже, – нахмурился Андрей.

– Ну, я и говорю, – Рубаха, наконец, уселся за стол, обхватив кружку ладонями. – Старик Антифеев помер, но наследников у него не осталось. Ну, мы, как говорится, по закону о перераспределении имущества и ресурсов провели ревизию его вещей. А там, значит, не хватает топора, с полсотни патронов к охотничьему ружью, сотни наконечников для стрел, трех канистр керосина... Но, главное, почти все пищевые запасы на зиму исчезли. Думаем – как так? Начали шерстить соседей. У одного и нашлось все это добро. Сердюков, паскуда, покойника обокрал. Короче, будет суд. Ну, по закону, один из вас должен входить в большое судейское жюри.

– Про законы нам можешь не напоминать. Мы же их и писали, – кивнул Жаров. – Когда суд?

– Послезавтра. Я приеду за вами, нет проблем. Так кто поедет-то?

– Это мы решим позже, – сказал после очередного глотка Андрей. – Рассказывай дальше.

– Так-с. Ну, дальше, значит, экспедиция с Паратунки вернулась. Людей там, как и в позапрошлом году, нету. Но и с водой минеральной все в порядке. Набрали пару кубов. Вам привезли вот, немного. Однако, следы там были.

– Что за следы?

– Вроде как стоянка была. Группы людей. Похоже, что весной. Костерок, отхожее место. Несколько дней там вроде перекапывались и ушли. Судя по следам. Короче, бродит какая-то горстка людей в сопках, видимо. А может, и сгнули уже, кто их знает. Но у нас никаких пришлых давно не было. Уже лет пять как, когда последние отшельники с дальних поселков перебрались к нам.

– А чего уходить им оттуда? Место-то там райское, если с водой все в порядке. Может, и их медведь спугнул? – спросил Цой.

– Там не было следов медведя, – вздохнул Рубаха. – Но вот другого зверя были.

– Какого, другого?

– Тут уж я без понятия. Да и все в догадках репы морщат. Вероятно – хищник. И очень большой. А когти у него... Этот наш супермедведь просто обосрется при встрече. Ну, короче, Сапрыкин, ученый наш мутный... Помните ведь его? Он еще предсказал озоновые дыры и меланому от них, да падеж урожая. Вы еще после этого запретили всем загорать на пляже...

– Помним, конечно, – кивнул Андрей. Непонятно, шутил ли так странно Рубаха либо был настолько глуповат? О тайных делах квартета и Сапрыкина давно ходили слухи. Еще со времен уничтожения банд. – Так что Сапрыкин?

– Да он все теории строит насчет зверей этих. Очень хочет поглядеть на следы нашего медведя.

– Зачем?

– Ну, того зверя следы он видел. Вот и сопоставить хочет. А про теории свои все молчит, пень старый. Говорит – «рано делать преждевременные выводы без достаточного эмпирического материала». Ей-богу, эти его фразеологические завороты похуже моих частушек будут.

– Кстати, я тоже думаю, что надо снарядить хорошо вооруженную группу и напасть на след медведя, – сказал Евгений. – А при случае и покончить с ним. А то если мы его ждать будем здесь, то придется усилить посты, а это отвлекает людей с работ. И сколько так ждать будем? Год, два?

– Ладно. Тоже решим, – вздохнул Андрей. – Кстати, Гора, как насчет поучаствовать в судебном заседании? Заодно эту тему с Сапрыкиным перетрешь. Пообщаешься с тезкой.

– С тезкой?

– Его тоже Евгением величают. Забыл, что ли? Что скажешь?

– Я не против, – пожал плечами Горин.

– Тогда решено. Слышь, Рубаха?

– Чего?

– Женя Гора судьей от квартета будет. Понял?

– Понял.

– А чего вы привезли сегодня?

– Да конский волос, зерно, вяленых мидий и пустые пластиковые бутылки. В некоторых вода минеральная.

– Ну, топайте с этим к нашему снабженцу. Получите причитающееся на обмен.

– Лады. – Баянист допил большим глотком чай и, махнув рукой, вышел.

Саша Цой проводил его взглядом и поморщил нос:

– А чего тут так мочой воняет, кстати?

– Как же вы достали уже! – раздался недовольный рык из той самой деревянной будки.

Голос принадлежал Никите Вишневному.

– О, Никитос, ты вернулся?! – радостно воскликнул Цой.

– Да, чтоб тебя. Вернулся. Я пленки проявляю.

Когда-то в воинских частях и на самом заводе были огромные рулоны черно-белой фотопленки для служебного пользования. Потом наступили времена расформирования частей, а позже и времена цифровой фотографии. Тяжелые рулоны оказались никому не нужными. Ну, или почти никому. У некоторых флотских мичманов имелась странная привычка таскать домой все, что может пригодиться в хозяйстве, и все, что не может, кстати, тоже. Спустя годы после катаклизма и первого смутного времени у одного из местных военных пенсионеров, который позже оказался участником банды и был ликвидирован приморским квартетом, в гараже оказались с десятков рулонов на несколько тысяч кадров каждый. Сам Никита Вишневецкий фотографией увлекался с детства и решил, что вести фотохронику их новой жизни просто-таки жизненно необходимо, как и вести летопись. Благо, старые пленочные фотоаппараты тоже имелись. И с фотопленкой никаких проблем. Вот с фотобумагой все сложнее. Ее не было совсем. А химикаты для проявки и закрепления кадров на пленке Никите приходилось изготавливать самому. Именно составом этих самодельных химикатов и обуславливался характерный запах мочи.

– Что там нафотографировал?

– Рыбачий, что же еще.

Жаров указал на стопку бумаг, сложенных на отдельном столе:

– Саня, ты не забыл, что на этой неделе твоя очередь писать летопись?

– Ах да, – вздохнул Цой. – А что, Никитос раздобыл бумагу под это дело?

– Да, – кивнул Андрей. – Он обчистил архив штаба Второй флотилии. Документы пропечатаны с одной стороны. Другая сторона чистая. Пиши и подшивай. Только пиши помельче, а то ты один день на пять листов расписываешь. Бумага на деревьях не растет.

– Да знаю, не ворчи. – Цой пересел за другой стол и раскрыл скоросшиватель с уже описанными событиями. – Так-с. На чем мы тут остановились? Ага. На поимке этого Крашенинникова сегодня утром на заводе. Ясно.

Александр устроился поудобнее, выставил перед собой чернильницу с большим белым пером, однако прежде чем начать писать, он принялся изучать содержимое первого листа из той стопки бумаги, которую Вишневецкий прихватил из архивов штаба Второй флотилии атомного флота в Рыбачьем. Страсть к чтению была у всех членов приморского квартета. И они читали буквально все, что попадало им в руки. Однажды, в одном из старых деревянных домов, что совсем пришел в негодность и подлежал разборке, обнаружилось, что под слоем обоев стены обклеены газетами аж семидесятых годов прошлого столетия. Снос ста-

рой избы был приостановлен, и квартет многие недели ходил туда читать статьи из далекого, дремучего прошлого.

Прочитав первый лист, Цой шмыгнул носом и взялся за перо.

– В тридевятом царстве, тридесятом государстве...

– Сань, давай посерьезней и молча, а? – поморщился Жаров. – И постарайся в этот раз избегать словечек типа «лошара», «чмошник» и «рукожопое рачелово». Это же летопись. Документ на века...

– Да это было-то всего один раз. Три года тому назад, – отмахнулся Александр, начавший старательно выводить буквы на белом листе.

Жаров поднялся и принялся ходить по классу, задумчиво потирая подбородок:

– Слушайте, пацаны, а кто этого Сердюкова знает?

– Которого судить будут? Я пару раз пересекался с ним, – ответил Цой.

– Да? И что можешь о нем сказать?

– Лошара, чмошник и рукожопое рачелово.

– Сань, ну я серьезно спрашиваю ведь!

– А я шучу, Жар? Хреновый он человек. Вредный, жадный, лживый. У меня вообще ощущение, что он был в одной из зачищенных нами банд, но вовремя перекрасился, почувяв близость нашей революции. Хотя... Я, может, его с кем-то путаю...

– Твои ощущения еще не повод для смертной казни, – покачал головой Андрей и задумчиво уставился на лежавший на подоконнике пистолет, что он забрал утром у Крашенинникова. Ему почему-то не давали покоя слова этого вулканолога о недовольных правлением квартета.

– А с чего смертная казнь-то? – спросил Цой.

– Ты забыл? Он помимо всего прочего украл патроны. Это значит, что судебное жюри поместит в жребий наказаний, который будет тянуть подсудимый, еще и смертную казнь.

– Да и хрен с ним. Может, тогда переведутся всякие Сердюковы?

– Нас слишком мало, чтоб разбрасываться людскими ресурсами. А когда починим лодку и начнется плавание, нас станет еще меньше. Последние несколько лет рождаемость хорошая. Но пока подрастет новое поколение... В общем, Женя...

– Да, – отозвался Гора.

– Постарайся сделать так, чтоб гильза со смертным приговором не попала в жребий, который придется тянуть этому Сердюкову. Пусть лучше на каторге отрабатывает. Всяко пользы больше.

– Постараюсь, – сонно кивнул Евгений. Затем, после долгой задумчивой паузы, произнес: – Андрей, если тебя вдруг коробит наличие смертной казни в наших законах, так, может, отменим?

– Ну да, и все решат, что мы размякли, изнежились и стали совсем сентиментальными, – скривился Жаров. – Нет уж. Наличие смертной казни помогает держать всех в узде.

– А вот нежелание ее применять намекает на то, что мы слабаки, – буркнул Цой.

– В самом деле, Жар, – кивнул Горин, – ты же сегодня сам хотел грохнуть Крашенинникова.

– Не хотел я его убивать. А вот припугнуть – это другое дело. Страх стимулирует дисциплину. А дисциплина – это порядок.

– Я думал, что порядок и дисциплину в первую очередь стимулирует личная ответственность, – сказал Вишневецкий, выходя из будки и развешивая для просушки на тонкой леске три полоски фотопленки.

– Ну, ты у нас ответственный, – хмыкнул Жаров. – Не все же такие. Вспомни, что началось, когда все поняли, что этот взрыв не локальной аварией был, а лишь небольшим фрагментом глобальной катастрофы. Где была та ответственность? Люди, пережившие ката-

строфу, зачастую страшнее самой катастрофы становятся, когда выползает наружу их нутро поганое, в условиях беззакония и хаоса. Так что не будем мы смертную казнь отменять. Но казнить будем только в исключительных случаях. Помните Скирду?

– Помним, – кивнул Евгений.

– Конечно, помним, – вздохнул Никита.

– Он всего лишь ударил по пьяни жену, – пожал плечами Александр.

– Всего лишь?! – воскликнул Жаров. – Она была беременна, у нее случился выкидыш, и через два дня она сама умерла! Всего лишь?!

– Да не факт, что она из-за этого умерла. Болела ведь очень, – продолжал высказывать сомнения Цой.

– Не в этом дело! А в том, что никто не имеет права посягать на будущее. Рожаящие матери способны дать нам это будущее. Их дети – наше будущее. Это банды не думали о будущем. Они думали, как усладить свою плоть здесь и сейчас! Чтоб сегодня было сытно, пьяно! В данный момент времени отобрать, ограбить, изнасиловать! Но теперь мы правим здесь, на краю земли, именно потому, что мы думали о будущем! А где те банды?! Даже черви позабыли, каковы эти ублюдки на вкус.

– А я помню, как Скирда рыдал, – угрюмо отозвался Цой. – Он даже о пощаде не просил. Только умолял дать ему похоронить жену и ребенка. И только у них, мертвых, просил прощения. Он хотел умереть...

– И мы его казнили! И правильно сделали! Всем наука была! И хватит об этом!

– Сам напомнил, – в очередной раз пожал плечами Цой и отложил исписанный лист бумаги в сторону. Взялся за другой и принялся читать содержимое документа.

– Интересно, о чем думали те, кто заварил всю эту кашу, – хмуро проговорил Вишне-вский, подойдя к столу с чаем и наливая себе напиток. – О будущем? Едва ли. О детях? У всех этих нажимателей кнопок неужели не было детей? Но и о них не думали. Так о чем же? Вот бы узнать...

– Ничего, вот починим лодку, начнем кругосветку, найдем одного из них, накинем петлю на шею и спросим, – задумчиво глядя в окно, ответил Андрей.

– В Австралию надо плыть, парни. В Австралию, – многозначительно поднял указательный палец Александр. – Там климат хороший. И сто пудов, там все выжили.

– Не они пустили ракеты. У них этих ракет просто не было, – мотнул головой Горин.

– Но контакт с них надо начинать. Наверняка там все цивилизованно, как и у нас.

Женя вдруг засмеялся:

– Я, кажется, знаю, какую книгу ты прочитал последней! «На берегу» Нэвила Шюта!¹²

– Гора, последняя книга, которую я прочитал, – это русско-финский разговорник. Нэвила я прочел еще прошлой зимой. Вот он реально о будущем думал. Еще не было подлодок с баллистическими ракетами, а он уже о глобальной ядерной войне всех предупреждал.

– Это там, где подводная лодка плывет в Австралию, а ее капитан так и не запустил ракеты? – спросил Никита. – Я книгу еще не читал, но фильм такой помню.

– Да-да, тот, – закивал изучающий очередной лист бумаги Цой. – Только в книге про ракеты не было. Говорю же, старая она очень, книга эта. Потом киношники добавили это от себя.

– Сильный ход они добавили, что тут скажешь, – хмыкнул Вишне-вский, отпивая чай.

Горин скривился, поерзав на стуле:

– Чего тут сильного? Он офицер на посту, а свой долг не выполнил.

– В том и дело, Женька, – Никита вздохнул, взглянув на друга. – Что может быть мужественней, чем сказать дьяволу – нет?

---

¹² Реально существующий роман-предупреждение. Был экранизирован дважды, в 1959 и 2000 годах.

Разговоры в помещении стихли. Жаров о чем-то думал, глядя на поселок, завод и бухту у подножия сопки, на склоне которой высилась школа. Горин обдумывал сказанное Вишневым. Тот пил чай, а Александр Цой занимался бумагами. Именно он прервал, чуть позже, затянувшееся молчание:

– Слышь, Никитос, тут на некоторых документах гриф «секретно» стоит. Они в архиве были? Точно?

– В руинах штаба мы нашли сейф. Провозились с ним почти целый день, пока не открыли. Думали, может, там оружие будет или еще что-то полезное. А там куча бумаг, пара смартфонов, печати, связка ключей, аптечка и коробка компьютерных дискет. Секретные бумаги, видимо, из сейфа этого, – ответил Никита.

– А сам смотрел эти бумаги, Халф? – Цой медленно поднял взгляд на Вишневого.

– Нет еще. А что?

– Никто не читал? – многозначительно окинул всех взглядом Александр.

– Да что ты там нашел, черт возьми? – нахмурился обернувшийся Жаров.

Цой приподнял пожелтевший лист бумаги, на котором текст был напечатан не принтером, а старой печатной машинкой, и начал читать:

– «Выписка из докладной записки отдела разведки Краснознаменного Тихоокеанского флота главному командованию ВМФ СССР... Для служебного пользования. Сов. секретно. 1984 год. Согласно полученным данным, коррелирующим с данными от собственных источников 1-го Главупра КГБ СССР, вероятный противник нацелил на Камчатский полуостров баллистическую ракету класса «Минитмен-3» с разделяющейся БЧ (341-е стратегическое ракетное крыло. Координаты пусковой шахты см. в приложении 2 к данной докладной записке. ТТХ приводимого класса ракет вероятного противника см. в приложении 1 к данной докладной записке). По данным разведки, разделяющихся боевых частей у данной ракеты 3 (три). Предположительно мощность каждого заряда составляет от 300 килотонн до 700 килотонн...»

Все слушали, затаив дыхание, этот сухой казенный текст, как тот самый смертный приговор, что они обсуждали чуть ранее. Никто не шевелился, кроме Вишневого. Он подошел к шкафу и взял с полки памятный сувенир с отпечатком того страшного дня. Это был простой мяч. Тот самый мяч, что оплавился и лопнул, тронутый смертоносными лучами в первые мгновения взрыва. Сейчас от него осталась лишь сухая полусфера с обугленными краями.

Дочитав текст, Александр сглотнул и добавил:

– Тут ниже карандашом написано... На данный момент сведения актуальны. Шестнадцатое октября две тысячи девятого года. Сделать копию и приложить к протоколу «О». Подпись...

– Что еще за протокол «О»? – спросил Женя.

Цой принялся ворошить стопку листов:

– Понятия не имею. Ничего с таким заголовком мне еще не попадалось.

– Ну что ж, – вздохнул Вишневы и водрузил остатки футбольного мяча себе на голову, словно каску. – Теперь мы знаем имя убийцы нашего детства. Зовут его «Минитмен».

– Убийца столько людей... – сквозь зубы процедил Андрей Жаров. Опустившись на стул, он добавил: – И моей сестры в том числе...

– Семьсот килотонн, охранеть, – потер ладонью лицо Евгений. – Это сколько Хиросим в том взрыве было? Тридцать? Сорок?¹³ Как мы уцелели? Как вообще здесь что-то уцелело?

---

¹³ Тротильный эквивалент урановой бомбы «Малыш», сброшенной на Хиросиму, варьируется от 13 до 18 килотонн (разные источники указывают разную мощность в этих пределах). Следовательно, взрыв в 700 кТ равен примерно 39–54 Хиросимам. Однако в данном произведении мощность боевой части ракеты «Минитмен» завышена автором в художественных целях. Официально мощность боеголовки составляет 300 килотонн, что не исключает применения более разрушительных зарядов большей мощности.

– Ракета рванула в стороне от нас, – сказал Вишневецкий. – А нас прикрыли сопки на полуострове Крашенинникова. И главный приз от дьявола достался Рыбачьему и Петропавловску. То, что мы сейчас сидим в уцелевшей школе уцелевшего Приморского и дышим... Это всего лишь нелепая случайность. В планы больших дядей это не входило...

– Долбаные взрослые, – презрительно фыркнул Жаров. – Долбанный мир...

– Раздолбанный, ты хотел сказать? – усмехнулся Никита.

– Саня, отложи этот листок, – обратился к Цюю Жаров, глядя в пол. – И все подобное отложи, если попадется.

– А смысл? – спросил Горин. – Сейчас не то что время совсем другое. Реальность иная.

– Не важно. Сохраним отдельно этот артефакт.

– Как скажешь, – Цой отложил лист на край стола, внимательно осмотрел следующий и, не найдя ничего любопытного в нем, продолжил вести летопись. – Никитос, лучше бы ты там сигарет пачку нашел, в Рыбачьем этом.

– Грызи веточку, если курить охота, – отозвался Вишневецкий, убирая с головы половину мяча. – Не было там сигарет.

– Да я уже столько леса изгрыз, что любой бобер от зависти повесится. Табачку охота.

– А мне вот охота арбузов. Но где их взять? Крыжовник ем...

– Так, ладно! – Жаров хлопнул себя по коленям, выходя из мрачной задумчивости и поднимаясь со стула. – Надо что-то решать с медведем.

Александр почесал пером за ухом и кивнул:

– Грохнуть его надо. Что тут решать?

– Для этого его надо выследить. Или заманить.

– И то и другое, – предложил Горин. – Я думаю, помимо отправки на поиски хорошо вооруженной группы надо параллельно придумать какую-то ловушку. Хоть как-то шансы увеличит.

Андрей взглянул на Евгения и кивнул:

– А ты, Женя, как смотришь на то, чтоб возглавить поисковую группу?

– Погулять на свежем воздухе я всегда не против, – улыбнулся Горин. – И когда?

– После суда, разумеется. И возьмишь с собой Сапрыкина, кстати. И запроси у Вилючинска дополнительных патронов на это дело. И братьев Ханов желательно. Они из коренного народа. Хорошо зверя умеют выслеживать.

– Жанну Хан тоже проси присоединиться, – добавил Цой. – Она более умелый охотник даже, чем ее младшие братья.

– Лады.

– А как вы ловушки делать собираетесь? – произнес Вишневецкий, разглядывая фото-пленки, которые уже подсохли. – У нас на две общины и сорока капканов не наберется. Но если медведь так огромен, как все думают, то и они не помогут.

– Устраивать по сопкам ловушки – это напрасный труд. Да и опасный, учитывая, что он где-то там бродит. Чтоб все обложить ловушками, уйдут месяцы. А если отправить сразу много групп на их установку, то на всех оружия не хватит. В общинах ведь тоже должно оружие оставаться всегда. – Жаров взял с подоконника изъятый у Крашенинникова пистолет и стал вертеть его на пальце. – Это все не то. Медведя нужно заманить. Это проще и эффективней.

– Заманить? В общину? – выразил своим тоном протест Никита. – Да он тут дров еще наломает, пока мы его пришьем.

– Нет, Халф. Мы его не будем в общину заманивать.

– А куда, в таком случае?

Жаров перестал вертеть пистолет, крепко обхватив ладонью его рукоять.

– Да есть тут местечко неподалеку, – сказал он, недобро улыбнувшись. Затем подошел к Цою, взглянув на очередную страницу летописи. – Черт тебя дери, Саня...

– Что не так... – поднял взгляд Александр.

– Что не так? «Анналы истории» пишется с двумя «Н», если ты, конечно, что-то другое не имел в виду.

Цой внимательно посмотрел на им же написанный текст и сплюнул:

– Тьфу, зараза...

– Ничего. Сверху галочку поставь и вторую «Н» в ней допиши.

– Вот над тобой будущие поколения человечества ржать будут, толстый! – захохотал Евгений.

– Да хрен с ними, пусть ржут. Лишь бы они были, поколения эти будущие, – отмахнулся Александр.

Глядя на то, как Цой делает исправление в тексте, Жаров почесал стволом пистолета шею и похлопал друга по плечу:

– Саня...

– Чего еще?

– Ты вечером прогуляться не хочешь кое-куда?

– Куда? Далеко?

– Нет, что ты. Совсем рядом. До казарм...

Цой улынулся простодушно и кивнул:

– Лишний раз глянуть на финскую красавицу? Это, чуваки, я всегда с удовольствием.

– Да она лет на тринадцать нас старше, дурень! – хохотнул Евгений.

– Да какая разница? Красотка же.

Глава 3

Далекий близкий берег

Тени вытягивались с запада на восток. Огромные мрачные жнецы в черных саванах с капюшоном росли каждый вечер, когда солнце покидало этот уютный уголок жизни и скрывалось за вершинами сопки, утопая за невидимым горизонтом где-то далеко на западе. И только остатки ледника у вершины Авачи сверкали в прощальных лучах солнца, которого уже не видно. Как-то сразу стало прохладно, и вспотевший за кропотливой работой Михаил это особо остро ощутил. Быстро накинув на себя давно лишившийся рукавов старый военный китель, он вернулся к работе, продолжая возиться с машиной, пока еще остатки дневного света позволяли не напрягать зрение. На третьем этаже казармы Антонио Квалья мастерил из старого чайника, подшипниковых шариков и латунной гильзы устройство, способное разбудить их при малейших толчках земли. Установив прибор на столике, он легонько толкнул его. Затем еще раз. И еще. Только после пятого, более сильного толчка, стальной шар выскользнул из носика чайника и с громким звоном нырнул в гильзу. Так не пойдет. Сигнализация должна сработать после первого толчка, иначе может стать совсем поздно и они проснутся не от удара шарика о гильзу, а от грохота рушащихся стен и потолка. Он разобрал свою сигнализацию в поисках того, что нужно исправить.

Оливия сидела на скамейке возле небольшого курятника, который Михаил и Антонио построили с тыльной стороны казармы уже много лет назад. В железном тазу она перемешивала очищенные кедровые орешки, измельченные рыбьи кости, траву, овсяные зерна и кожуру вареного картофеля. Получившуюся массу старательно измельчала, давя обухом топора. Затем снова перемешивала. Куры смотрели на нее сквозь ячейки сетчатой решетки, в нетерпении подергивая головами и уже предвкушая скорую кормежку.

Михаил устало вздохнул, отложив гаечный ключ и почесав правое ухо о собственное плечо. Надо передохнуть. Он запрокинул голову, уставившись в небо, и увидел огромного орлана, парившего в высоте, расправив массивные черные крылья с ярко-белыми плечами. Там, наверху, хищник все еще мог себя побаловать теплыми солнечными лучами, покинувшими уже дно необъятной чаши, наполненной водами Авачинской бухты и прибрежными сопками.

– Везет же тебе, чертова курица, – с тоской вздохнул Михаил, глядя на безмятежность и великолепие белоплечего орлана...

Антонио собрал устройство с внесенными изменениями, установил на столик и слегка толкнул его. Стальной шар тут же выскочил из носика чайника и загрохотал в гильзе, дав повод создателю удовлетворенно качнуть головой и улыбнуться...

Оливия заполнила кормушку для кур приготовленной смесью, закрыла решетчатую дверцу курятника и вздрогнула от грубоватого низкого голоса за спиной:

– Добрый вечер!

Резко обернувшись, Оливия испуганно выдохнула и попятилась, увидев крепкого здоровяка в черной одежде, с черной банданой с черепами и черной бородой, заплетенной в косу. За спиной Александра Цоя стояли двое молодых людей, вооруженных автоматами. Собески прекрасно знала, кто сейчас перед ней. И визит одного из членов приморского квартета, да еще с вооруженными людьми, в ее мыслях не предвещал ничего хорошего. Тем более после вылазки Михаила в их поселок.

– Что вам нужно? – с тревогой в голосе произнесла Оливия и тут же поморщилась от того, насколько неприятно напуганным был ее голос в этот момент. А ведь, как она думала, таких диких бандитов подобный страх и жалостливый голос, наоборот, распялал.

- Оля, ты не пугайся. Где Миша? – продолжал улыбаться незванный гость.
- Зачем вам Миша? – напряглась еще больше Собески.
- Просто. Поговорить.
- О чем?

Цой надул щеки и выдохнул, закатив глаза.

– О том о сем. – Затем, чуть повернув голову, он кивнул своим спутникам: – Парни, вы домой идите. Напугали барышню, понимаешь.

– Так это, вы же запретили теперь ходить поодиночке и без оружия, из-за медведя, – возразил один из автоматчиков.

Александр потянулся рукой за спину и достал из пришитого к спине кожаной куртки чехла обрез двуствольного охотничьего ружья.

- Справлюсь, ребята. Идите.
- Так это... Жар потом ругаться будет...
- Сейчас я буду ругаться, твою мать. Идите домой!

– Понятно, – вооруженные спутники Цоя удалились. Александр вернул обрез в чехол и вновь обратился к Оливии:

- Ну что, хозяйка, так лучше?

Из-за груды старых автомобильных корпусов, которых в окрестностях казарм было полно еще с довоенных времен, вышел Крашенинников. Он сжимал в руках длинное копье с железным зазубренным наконечником.

- Ты зачем сюда пришел?

– Ребята, что же вы такие негостеприимные? – Цой бросил к ногам Михаила вещмешок. – Вот так вот все войны и начинались. Я с приветом – вы с копьем.

- Что это? – хмуро качнул острием Крашенинников.

– Свой вещмеш не узнаешь, что ли? – хмыкнул Александр, поглаживая бороду-косу. – Это твое ведь? Там кое-какое барахло, что у тебя Жар отобрал. Не все, конечно. Но не меньше половины я решил тебе все-таки вернуть.

- И с чего вдруг такое великодушие? – недоверчиво прищурился Михаил.

– Слушай, приятель, что мы тут сверлим друг друга взглядами, как какие-то ковбои на Диком Западе, а? Может, пригласишь к себе, за стол усадишь, да поболтаем как соседи?

- У меня работы много.

– Смеркается уже. Пора отдохнуть от трудов праведных. Я ведь тоже не бездельник. А на тебя время все же выкроил.

- Я этого не просил.

Цой качнул головой и хмыкнул:

- Даже так? Ну что ж. Значит, тебе это не нужно...

Он наклонился к вещмешку и тут же понял, что нужного эффекта достиг.

- Ладно, идем, – недовольно проворчал Михаил.

На плацу перед входом в казарму уже много лет назад был оборудован большой деревянный стол с бревенчатыми скамейками. Именно за него сели Цой и Крашенинников. Вечер уже полностью вступил в права, и полумрак затянул окружающий мир. Последние лучи солнца теперь лишь цеплялись за вершину Авачи, окрашивая ее в бронзовый блеск, как и подбрюшья редких облаков.

Антонио давно заметил гостя. И когда они уселись за стол, он свесил из окна большую масляную лампу, которая тут же привлекла к себе комаров.

– Привет, Куба! – махнул рукой Александр, заметив в окне еще одного жителя центральной казармы. – Спускайся, поужинаем!

- Я уже ужинал. Благодарю, – отозвался сверху Квалья.

– У нас не так много припасов, чтобы кормить гостей, – строго сказала Оливия, скрепив на груди руки.

– Так я и не собирался вас обедать, – улыбнулся Цой, выкладывая содержимое своей наплечной сумки на стол. Это была пара небольших бутылок. В одной какая-то мутноватая жидкость, в другой, похоже, березовый сок. Следом показалось несколько печенных в углях картофелин, банка салата из крапивы, черемши, щавеля и вареных яиц. Стеклянная баночка с красной икрой, которой Камчатка была богата, как иные края лесными ягодами. Следом на стол было выложено и филе лосося. – Присаживайся с нами, хозяйшка. Откушай угощений.

– Я не голодна, – бросила Собески и направилась в здание.

Саша проводил ее взглядом, щупая пальцами свою бороду, затем тихо произнес:

– Ох уж эти бабы. Без них ну никак. Но когда норы свой показывать начинают, хоть вешайся, да? – он подмигнул Михаилу. – Я тут замутил с одной. Оксана. Ух... Огонь просто!

– Так зачем ты пришел? – равнодушно спросил Крашенинников. – За то, что поронит и многое другое вернул, спасибо, конечно. Но чего взамен хочешь?

– Я разве сказал, что хочу чего-то взамен? Хотя, может, и хочу. Например, чтобы ты выпил со мной. – Цой открыл поллитровую бутылку с мутноватой жидкостью.

Крашенинников фыркнул:

– Самогон? Я думал, что вы самогон в общине запретили.

– Ты ошибался, дружище, – ответил Александр, разливая резко пахнущую жидкость в стоящие на столе кружки. – Мы не запрещаем самогон. Мы запрещаем пьянство. Потому и строго регулируем производство этого нектара. И следим, чтобы в одних руках не было столько его, чтоб владелец этих рук мог свалиться без памяти. А для медицинских целей и для поддержания тонуса по праздникам да в стужу зимнюю... Это мы не воспрещаем. Я вот помоложе тебя. Других крепких напитков и не знаю. А ты, наверное, помнишь и коньяки, и вина, и водочку. Да? Тебе уже лет двадцать пять было, когда все рухнуло? Больше?

– Я не увлекался алкоголем.

– Так ведь и я не увлекаюсь. Да что ты смотришь так, тут всего-то по двести пятьдесят капель на брата. Какое уж тут увлечение. К тому же добрая самогонка, поверь. Моя Оксанка гнала. А женские руки, сам знаешь, вроде и нежны до опьянения, но некоторые вещи делают ох какими крепкими... – сказав это, Цой расхохотался.

Михаил в ответ даже не улыбнулся. Так и смотрел пристально на гостя. Александр вздохнул и покачал головой:

– М-мда. Тяжелый случай. Ну, давай уже выпьем, что ли? – он поднял свою кружку.

– И за что пьем? – Крашенинников обхватил ладонью свою.

– А давай, для начала, за понимание.

– Ну что ж, понимание нам точно не повредит.

Они стукнулись кружками и выпили.

Михаил тяжело засопел, мотая головой и с ужасом думая, что у него во рту оказалась вулканическая лава. Судорожно зачерпнув двумя пальцами гроздь ярко-оранжевых икринок, он тут же слизал их, чтоб хоть как-то унять магматическую огненную бурю, грозящую испепелить глотку и язык.

Однако Цой даже не поморщился, опустошив кружку. Он только шмыгнул носом и занюхал кончиком своей бороды-косички. Затем, глядя на то, как Крашенинников слизывает с пальцев красную икру, он покачал головой:

– Слушай, дружище, у тебя в хозяйстве ложки-то есть вообще?

– Оля! Дай нам, пожалуйста, пару ложек! – крикнул в сторону казармы Михаил, продолжая морщиться и выдыхать, а заодно и удивляться, что в вырывающемся из него воздухе нет языков пламени.

Сидевший на подоконнике Квалья повернул голову и взглянул на Собески. Лицо ее было сурово и даже источало гнев. Шаг решительный. Она стремительно прошагала через большое помещение и швырнула в окно, едва не задев Антонио, две ложки. Так же решительно развернувшись, она направилась в свои покои.

Квалья решил никак не комментировать происходящее. Просто улыбнулся, вздохнув и качнув головой, да продолжил свою возню с подозрной трубой, новыми линзами, что раздобыл Михаил, и штативом, что собрал у окна. Работу над сигнализацией для землетрясений он уже закончил.

Одна ложка звонко ударилась о стол. Вторая о голову Михаила, затем, отскочив, воткнулась рукояткой в салат.

– Экая благодать! – развел руками Александр. – Да ты в раю живешь. Что не пожелаешь, все с неба сыплется в ту же минуту!

– Чую, Оля мне ад потом устроит, – недовольно проворчал Крашенинников. – Вы, между прочим, похоже, тоже не бедствуете. Вон, икра красная. Я ее целую вечность уже не видел.

– Ну, приятель, тебе никто не запрещает ходить во время нереста к рекам и собирать рыбу да икру. Мы ведь именно так и делаем. Как нерест, так и отправляем экспедиции на Прорву, Холмовитку и Красную¹⁴. Не так чтоб очень далеко. За день доберешься. Кто мешает? Кто запрещает? Рыбы сейчас тьма. Нет никаких промыслов, чтоб ее изводить. Только мы – горстка людей. А птица и медведь норму знают. Баланс не нарушают.

– Кто не дает? – Михаил усмехнулся. – Вот медведь и не дает. Вы-то кучу народа на промысел отправляете. А я один ходил. В Хламовитском заказнике дело было. Выхожу к реке. Река вся бурлит горбушей¹⁵. Так и прет цунамием против течения. А вдоль берега медведи. Штук пятнадцать. Шлепают лапами и рыбу на берег выкидывают. Тоже вкусно отведать хотят. И что мне было делать? Прикинуться своим, встать среди них и рыбку ловить? Это ты на медведя похож. А я вот не очень.

– Обычные мишки были?

– Да обычные. Не громилы, как тот, про которого тут все рассказывают с трепетом и ужасом.

– Ну, так пугливые они, Миша.

– Это десятка человек они испугаются. А я один туда ходил. Только время зря потратил да мозоли натер.

– Ладно, – Александр махнул рукой. – Вот осень наступит, начнется новый нерест. Пойдешь с нашими группами. Треть улова, конечно, нам. Но остальное ваше.

Крашенинников покачал головой, усмехаясь, и скептически добавил:

– Ну-ну...

– Ты что же это, сомневаешься? Зря. Цой сказал – Цой за базар отвечает.

– Ты, Саня, видимо, не в курсе, что твой соратник Жаров под страхом смерти запретил мне появляться в ваших владениях? Или как?

– Разумеется, я в курсе, дружище. Я тебе даже больше скажу... Все правильно он сделал. Ну, сам посуди. Если ты будешь нарушать правила и тебе все это будет сходиться с рук, то тогда все начнут забивать болт на законы и порядок. А ты ведь прекрасно знаешь, чего нам стоило удержать здесь хоть какие-то нормы цивилизации. Но в дырявом ведре невозможно удержать воду. Так же и в хаосе и анархии нельзя удержать нормы человеческого бытия.

Крашенинников вздохнул, глядя на то, как его кружка снова наполняется хмельной жидкостью. После ощущений от первого глотка снова притрагиваться к самогону не хоте-

---

¹⁴ Реки, впадающие в Авачинскую бухту с северо-запада.

¹⁵ Наиболее многочисленный вид лососевых на Камчатке.

лось. Но, возможно, это удачный шанс хоть как-то наладить отношения с приморским квинтетом. Ну, или хотя бы с одним из его членов. Александр Цой всегда казался Михаилу более простодушным, чем все остальные. В нем нет той жесткости, которой веяло от Жарова. Не было той непрошибаемой скрытности, коей наделен Горин. Отсутствовала мрачная отрешенность Вишневого. С этим корейцем было проще. А установление нормальных отношений с квинтетом ему, Крашенинникову, было очень необходимо. Можно было по-всякому относиться к их правлению. И по-разному оценивать способ, которым они пришли к власти. Но они сохранили социум. Они избавили этот социум от чудовищных метастаз, которые проявились очень быстро после крушения цивилизации. Крашенинников много размышлял, как бы он поступил с главарями возникших банд и их подручными. И он не находил в себе никаких черт характера, которые позволили бы ему совершить жестокое и массовое убийство, пусть даже и ради всеобщего блага. Но что, если бы вообще никто не нашел в себе сил взять на себя это бремя? Быть может, тогда в настоящее время все эти люди были бы рабами. Дети, если и рождались бы, то росли необразованным, диким и жестоким зверьем. Женщины не были бы защищены строгими законами, запрещающими посягать на их честь и самостоятельный выбор спутника жизни. У беременных не было бы того оазиса, наполненного музыкальными инструментами, приборами для рукоделия и старым патефоном с массой пластинок успокаивающей музыки, какой создал квинтет в здании детского садика для того, чтоб матери вынашивали своих чад в обстановке покоя и умиротворения, а не в страхе, что какой-нибудь выродок, забавы ради, будет вспарывать им животы. Теперь нет умирающих с голоду, потому что община всегда заботится о припасах. А если кто-то по состоянию здоровья и преклонности лет не может уже делать для себя запасы, то община это учитывает всегда и собирает пищу в том числе и для тех, кто объективно справиться с этой задачей не в состоянии. Вся правда о приморском квинтете в том, что они взяли на себя то бремя, которое до них никто не осмеливался взять. И устроили они бандам кровавую резню не просто для того, чтоб занять место этих банд на вершине пищевой пирамиды, а ради того, чтоб спасти всех остальных. Более того, вдоволь вкусив крови в бойне той революции, что они когда-то устроили, эта четверка вовсе не вошла во вкус. Они не упивались убийствами, хотя Михаил не сомневался, что если в интересах их видения общего блага надо совершить еще убийства, они колебаться не станут.

– Я думаю, – продолжал Цой, – что законы выживания человечества... Неписанные законы, скорее на уровне инстинктов, всюду установили некие жесткие правила, подобные нашим. Но только ради того, чтоб выжить и не растерять память и знания поколений. Ну, давай, приятель, выпьем за будущее.

Кружки гулко ударились друг о друга, и самогон полился в пищевод. На удивление, второй раз было уже не так противно. И новый пожар в глотке не разгорелся.

– А ты, Саня, считаешь, что всюду такие оазисы жизни с выжившими людьми и сохраненным благополучием?

– Почему нет? – удивился Цой. – Мы ведь выжили. А ведь в такой глуши находимся. Еще до войны многие считали наш край богом забытым местом. И очень многие мечтали уехать отсюда куда-нибудь на материк.

– В том-то все и дело, Александр. Камчатка... Этот полуостров размерами побольше некоторых европейских страны¹⁶. А население здесь было на всю Камчатку не больше, чем в провинциальном городе. Ну, сколько здесь жило людей? Триста тысяч на весь огромный полуостров? Чуть больше? Но я вот с ужасом думаю, что же творилось, например, в Москве,

---

¹⁶ Для примера, площадь Камчатского края (вместе с Корякским автономным округом, административно входящим в Камчатский край) составляет более 470 тыс. кв. км. Площадь Германии составляет 357 тыс. кв. км. Площадь Италии – 301 тыс. кв. км. Площадь самого Камчатского полуострова больше полуострова Крым в 10 раз.

где больше десяти миллионов, которые оказались в огромном каменном мешке. По сути, в ловушке. А что творилось в приграничных регионах? А в других странах? А в густонаселенной полумиллиардной Европе? А в Китае? В Индии? А на родине твоих предков, в Корее? Северяне и южане набросились друг на друга, чтобы добить уцелевших? Что с Америкой?

– Ну, ты еще Америку эту давай пожалей, черт тебя дери! – нахмурился Александр.

У Михаила вдруг все внутри похолодело от этих слов. Нет, все-таки он не найдет среди местных понимания и сочувствия, если они узнают, что его Оливия – американка. Это будет смертный приговор. Даже сейчас самый добродушный и дружелюбный из приморского квартета налился яростью от одного только упоминания об Америке.

– А почему нет, Саша? – тихо спросил Крашенинников. – Там ведь такие же люди, как мы с тобой...

– Да хрена лысого! Это из-за них все! – стукнул кулаком по столу Цой. – Плевать на Америку! Вот уж где точно все выжили, так это в Австралии. Они дальше всех от этих наших разборок были. Ну, еще в Новой Зеландии. Она рядом с Австралией. И там вообще очень красиво...

– Ты был в Новой Зеландии? – удивился Крашенинников.

– Нет. Но я смотрел фильм. «Властелин колец». Его там снимали. Ты помнишь, какие в фильме пейзажи сказочные?

– Нет, – улыбнулся Михаил. – Я не смотрел «Властелина колец».

Александр уставился на него, раскрыв рот.

– Чувак... – сочувственно выдохнул Цой, – ну, ты даешь... Теперь ведь... Теперь ведь и не посмотришь...

– Ничего, переживу, – махнул рукой Крашенинников. – Но я так понял, что фильм тебе понравился?

– Конечно, – кивнул Александр. – Любимое кино моего детства.

– А ведь этот фильм американцы снимали. А еще вы свой поселок иногда, в шутку, называете Саус-Парк. Верно?..

– Да что ты пристал ко мне с этими американцами?! – рявкнул Цой. – Тоже мне, адвокат дьявола!

Он крепко схватил бутылку и налил в кружки еще самогона.

– Давай за мир во всем мире выпьем, – вздохнул Крашенинников, поднимая свою кружку и приближая руку к Александру. Однако Цой отодвинул свою и, недобро глядя в глаза Михаила, произнес после некоторой паузы:

– По русскому обычаю третий тост пьют не чокаясь. В память о тех, кого с нами нет. Так что я пью за всех своих родных. И еще за миллионы превращенных этими твоими американцами в пепел.

Сказав это, Александр запрокинул голову и влил в себя все содержимое кружки.

Михаил лишь пригубил слегка и закивал:

– Я искренне надеюсь, Саня, что ты прав. Что где-то далеко в Австралии у людей все хорошо. И в Новой Зеландии. А еще я надеюсь, что таких заповедных мест, как у нас, очень много по всей России. И в Европе. И, что бы ты ни говорил, в Северной Америке. И в Южной. И в Китае. И в Японии. Всюду ведь люди... И в Африке... Но не покидает меня мысль, что сама Камчатка, ее удаленность и малонаселенность нас спасли. В глобальной ядерной войне здесь всего три цели. Ну нет здесь больше объектов и людского потенциала, чтоб сбрасывать сюда более трех боеголовок на весь огромный полуостров.

Александр вдруг перестал жевать закуску и уставился на Крашенинникова.

– Как ты сказал? Три боеголовки?

– Ну да. По базе подлодок, по Елизово и по Усть-Камчатску.

Перед мысленным взором Александра вдруг возник тот самый листок бумаги с грифом «секретно». Ракета «Минитмен» с тремя боеголовками. Рыбачий, Елизово, Усть-Камчатск¹⁷... Не странно ли, что этот простой вулканолог из Петропавловска, живший когда-то на улице Витуса Беринга, в точности воспроизвел то, что было намертво впечатано в старый лист секретной бумаги, найденной в сейфе штаба базы атомных подводных лодок?

– Откуда ты знаешь, сколько именно зарядов и по каким именно целям должны были ударить?

Крашенинников на мгновение замер. Он не мог не заметить странную реакцию Александра.

– Я не знаю, – рассеянно пожал плечами Михаил. – Просто... Я предположил... Ну а что здесь еще бомбить, Саня? Долину гейзеров?¹⁸ Ключевскую сопку?¹⁹ Здесь были лодки и завод. В Елизово сверхскоростные высотные перехватчики. В Усть-Камчатске тоже военный гарнизон был, и туда могли заходить те же лодки из Берингова моря. Куда ближе, чем до нас идти. Так что...

– Что ж, логично, конечно, – вздохнул Александр. – Но вот бомба совсем рядом с нами рванула. Мы с парнями тогда в школьном дворе в «квадрат» играли. Так у нас от вспышки мяч лопнул. На Никите одежда загорелась. До сих пор у него плечи и спина в ожогах. И все-таки мы выжили. Нет радиации. Изменения климата были только в самом начале, да и те оказались временными. Есть, правда, какие-то там озоновые дыры. Но вроде как они не часто нас накрывают. Так почему в других местах должно быть хуже?

– Я не говорю, что должно быть хуже. Я пытаюсь анализировать, исходя из факторов. Здесь всюду сопки. При этом на Камчатке выпадает много осадков. Дожди, а весной тающие сугробы просто отмывают наши сопки. И все это течет в замкнутые подножья, где и остается радиация, либо, как в нашем случае, утекает в бухту и просто растворяется в миллиардах литров тихоокеанской воды. Более того, у нашего полуострова в силу рельефа и географического положения есть очень необычные ветры. Они дуют из центра Камчатки в Охотское море и тот же Тихий океан. Наш забытый богом затерянный мир тем и удивителен, что способен к очень быстрой регенерации. Вулканы научили восстанавливаться после каждого масштабного извержения. Вот и нет здесь радиации. Потому и рыбы много. И сопки богаты растительной пищей и могут кормить нас еще не одну тысячу лет. И мы живы. И мутантов никаких нет...

Цой засмеялся:

– Мутанты... Да это только в книгах да в кино...

– А тот медведь? Те, кто видел следы, говорят, что он огромный.

– Ну, так, а что ты хотел? Раньше единственным соперником и врагом у медведя здесь был человек. А теперь людей маленькая горстка. И пищи вдоволь. Вот и отъелся...

– От обилия пищи становятся толстыми, но не большими, – мотнул головой Крашенинников.

Цой погладил свой выпирающий живот и скривился:

– Ты на что, костлявый хрен, намекаешь?

Угрозы или обиды в тоне Александра не слышалось. Скорее самоирония. Поняв это, Михаил засмеялся.

---

¹⁷ Автор не утверждает, что в Усть-Камчатске существует военная инфраструктура. Известно, что к 2010 году военный городок уже был заброшен и представлял собой скорее город-призрак, подвергавшийся планомерному разграблению мародерами. Однако автор оставил за собой право на художественное допущение.

¹⁸ Одно из крупнейших гейзерных полей в мире и единственное в Евразии. Расположено в Кроноцком биосферном заповеднике. Открыта Долина гейзеров в 1941 году. Входит в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

¹⁹ Самый крупный действующий вулкан не только на Камчатке, но и в Евразии (высота около 4,9 км).

Висящая в окне третьего этажа лампа освещала их тусклым светом и помогала Антонио продолжать работу над подозрительной трубой и штативом. Он все еще сидел на подоконнике, постоянно что-то подкручивая в трубе и меняя местами линзы, желая достичь нужного эффекта. Естественно, он слышал весь разговор, продолжавшийся внизу, и понимал, что в общем-то Михаил прав, когда убеждал и его и Оливию в том, что приморский квартет не так ужасен, как кажется. Мягкосердечную добрую Оливию непросто было в этом убедить. Что до Антонио, то он не особо и занимал себя оценками деятельности квартета. Во всяком случае, он соглашался с тем, что эта четверка куда лучше тех главарей банд, с которыми они покончили. Но оставалась одна фундаментальная проблема. Если добрую Оливию так трудно убедить в том, что четыре местных лидера вовсе не злодеи и тираны, даже при том, что лично ей они ничего плохого не сделали, то как убедить ту четверку местных лидеров и всех выживших, что одна американка и один итальянец никакие им не враги, а все эти годы заботившийся о них русский никакой не предатель?

Выросший под склоном мрачного Везувия неаполитанец имел с детства стойкое убеждение в том, что если что-то должно произойти – это произойдет. С этим были связаны его ожидания неминуемого извержения самой известной итальянской горы. Многие годы спустя, накануне всемирной катастрофы, он наблюдал, как весь мир медленно, но верно накрывала пандемия безумия. Закулисные игры режимов разной степени безнравственности, нарастающие социальные и экономические проблемы повсюду, уход от реальности в религиозный фанатизм и ненависть миллионов обездоленных к миру несправедливости, в котором они живут, должны были привести к более страшной катастрофе, чем какое-то там извержение Везувия. Так и случилось. И Антонио Квалья понимал, что однажды местные жители узнают, что он вовсе не гражданин так любимой здесь всеми Кубы, а Оливия вовсе не из тихой, спокойной страны с фантазийно-сказочным названием Финляндия. И вот что тогда произойдет? Антонио не имел четкого представления, кто именно нажал первым на кнопку. Он понимал одно – мир был настолько пропитан взаимным недоверием, враждой и просто-напросто порохом, что судьбу мира мог решить один офицер за пультом любой страны с баллистическими ракетами. Напряжение этого офицера после всего того, что он мог перед дежурством увидеть и услышать по телевизору, прочитать в газетах или лицезреть в ежесекундно взрывающемся выдуманном сенсациями Интернете, могло быть таким, что любой неправильно понятый им сигнал на экране радара... любое рутинное помаргивание освещения в бункере... любая мелочь могли запустить непоправимую цепную реакцию в действиях человека, которому, как известно еще с древности, свойственно ошибаться...

Все могло случиться именно так, но каждая нация уже назначила виновных еще до того, как это глобальное преступление будет совершено. А значит, он и Оливия будут здесь обречены, когда правда все-таки всплывет мрачной черной подводной лодкой на поверхность. Точно так же, как любой из местных будет обречен, окажись он сейчас в Америке среди американцев.

Вражда этих двух гигантов, США и России, всегда поражала его своей бессмысленностью. Но еще его поражало то, что большинство жителей двух стран даже не подозревали, насколько они близки. Нет, дело не в том, что они похожи и смеются от одних и тех же шуток, радуются одинаковым радостям и испытывают горечь и боль от одинаковых потрясений... Нет, дело даже не в этом. Дело в том, что, кроме Канады и Мексики, самой ближайшей к США страной являлась именно Россия. Если сейчас отправиться в путь вдоль восточного берега Камчатки на север, то через много миль будет Чукотка и ее крайняя точка – мыс Дежнева. От него до американского берега меньше десяти десятков километров. Уже меньше, чем от Флориды до Кубы. Но даже это не является минимальным расстоянием. Там, в холодном Беринговом проливе, есть два острова. Русский остров Ратманова и американский остров Крузенштерна. Или, как их еще называют, большой Диомид и малый Диомид. А между

ними пролив всего в четыре километра шириной. Это намного меньше, чем отсюда до противоположного берега Авачинской бухты, где когда-то был Петропавловск-Камчатский. Это даже на несколько метров меньше, чем отсюда до базы подлодок в Рыбачьем. Много ли американцев и русских знало, как близко они друг от друга? Но четыре километра холодной, ледяной воды...

Думая об этом, Антонио уставился в окно. Покрытый ночью мир не был темен. Силуэты сопков очерчивали призрачные серебристые ореолы, особенно яркие на остатках ледников Авачи. Полная луна словно посыпала Камчатку волшебным сверкающим порошком. Закрепив подзорную трубу на штативе, Квалья прильнул к окуляру, направив внешнюю линзу на вершину вулкана...

– И все-таки, Саня, для меня до сих пор остается загадкой, зачем именно ты пришел.

Крашенинников и Цой продолжали беседу. Самогон, к счастью, кончился. К несчастью, кончилась и икра. Очевидно, что вскоре неожиданный гость уйдет, но Крашенинников очень хотел знать, что же все-таки значил и к чему обязывал его сегодняшней визит.

– Все-то ты подвох какой-то ищешь, – почесал бороду Александр, ухмыляясь. Затем он повернул голову и взглянул на машину, над которой трудился уже не один год Михаил. – Я смотрю, ты уже скоро кататься будешь?

– Да если бы, – изображая безнадежность, взмахнул рукой Крашенинников. – Кое-какие детали еще нужны.

– Ну, так слушай. Приходить в общину и копать в ней не самая лучшая идея.

– Это мне уже твой приятель Жаров объяснил, – нахмурился Крашенинников. – Весьма красноречиво.

– Ну а я повторяю. На всякий случай. Однако. Ты знаешь, где горбольница Вилючинска?

– Напомни.

– Короче, выходишь на дорогу и топаешь в сторону Вилючинска. Там на дороге будет развилка, у бывшей кафешки. Тебе налево. Идешь по дороге и считаешь пятиэтажки. Одна рухнула, но четыре еще стоят. Возле четвертой поворот налево, в лес. Идешь туда. Справа от тебя будет то, что было когда-то городской больницей. Идешь дальше. Прямо по дорожке. Выходишь на поляну, а там такая же «таблетка»²⁰, как у тебя. Стекол нет. Резина тоже в негодность пришла. Но все остальное на месте. Забирай.

– А с чего вдруг такая щедрость?

– Ну а чего добру пропадать? – пожал плечами Цой.

– Почему себе не заберете, в таком случае?

Александр кивнул:

– Можем, конечно. Но у нас есть машины. А пользуемся все равно редко. В основном для того, чтоб резина, клапана да поршни не простаивали и не портились от простоя. Лошади и велосипеды практичнее. Да и летом особо не покатаешься, а вот зимой снегоходы нужней. Так что ни к чему нам этот «уазик».

– Понятно, вы хотите, чтоб меня вилючинские ребята пристрелили, когда я там с гаечным ключом появлюсь...

– Дурак ты, честное слово, – поморщился Цой. – Вилючинск подчиняется приморскому квартету. А значит, и мне. Если кто тебе что скажет, отвечай, что Саня Цой дал добро. Вот и все. К тому же с той машиной у тебя ни времени, ни повода воровать у нас не останется.

Александр поднялся, отошел от стола и, кряхтя, выгнув спину, разминая затекший от долгого сидения в одной позе позвоночник. Затем уставился на стену казармы. Там куском угля уже давно талантливой рукой Антонио было изображено что-то вроде социального

---

²⁰ Имеется в виду автомобиль УАЗ 452. За характерный внешний вид эту машину называют «буханка» или «таблетка» (в Вооруженных силах России этот автомобиль распространен как санитарный транспорт еще со времен СССР).

граффити. Рисунок представлял собой цепочку эволюции. Неандерталец с дубиной, перед ним римский легионер. Перед легионером средневековый рыцарь, далее гренадер эпохи наполеоновских войн. Дальше пехотинец времен Второй мировой, перед ним солдат последней войны, в полной выкладке и... снова неандерталец с дубиной.

– Забавно, – покачал головой Александр. – Мрачновато, но забавно.

– Да уж. Весь мир посмешили от души.

– И все-таки есть здесь одна неточность. – Цой сделал несколько шагов в сторону стены с рисунком и указал рукой на финал человеческого пути. На последнего неандертальца с дубиной. – Все-таки мы не стали такими.

– Мы не весь мир, Саша.

– Поживем, увидим, Миша, – подмигнул ему Цой. – Ладно, будь здоров и спокойной ночи. Как-нибудь еще загляну.

– Спокойной ночи, – задумчиво отозвался Крашенинников, провожая взглядом уходящего гостя. Он еще некоторое время сидел в задумчивости, прокручивая в голове состоявшийся разговор и пытаясь понять мотивы представителя приморского квартета. Конечно, всем сердцем хотелось надеяться, что этот визит был не более чем искренней попыткой установить добрососедские отношения и покончить с взаимным недоверием квартета и трех отшельников, живущих у дороги, соединяющей две подчиненные этому квартету общины. Это было бы здорово. Добрососедские отношения – это всегда здорово. И это всегда то, чего очень часто не хватает. Уж как этого не хватало самоистребившемуся миру, ощутили все, кто пережил восход тысяч термоядерных солнц. А еще Крашенинников думал о том, каким может быть сейчас мир за пределами Камчатского полуострова. Не было никаких сомнений, что за пределами их затерянного мира на краю земли катастрофа так же прокатилась всепоглощающим пирокластическим потоком. За все эти годы после никто не видел в небе инверсионных следов самолетов. Ни один корабль не вошел в Авачинскую бухту. Когда еще люди пытались поддерживать работоспособность радиоприемников, теша себя тщетными надеждами, они так и не поймали ни один внятный сигнал. И если обратить взор в ночное небо, как Михаил это сделал сейчас, то он не увидит среди мерцающих звезд куда-то спешащую яркую точку искусственного спутника, которые в былые времена расчерчивали небо ежеминутно. За пределами Камчатки все может быть еще хуже, чем здесь. На континентах масса мест, густо населенных людьми. Там железные дороги, заводы, большие аэропорты, электростанции. Всюду гораздо больше целей, чем здесь, в заповедном краю России. Быть может, там применяли не только ядерное оружие, но и что-то более изощренное. Ракеты и бомбы, о которых он даже и не слышал. Михаил знал наверняка лишь одно – это количество боеголовок, предназначенных для Камчатки и их мишени. Он знал это не из логических умозаключений. Источник знаний был совсем иной. Но Михаил Крашенинников ни с кем не желал делиться этой своей тайной...

* * *

Антонио продолжал разглядывать волшебный свет, которым полная луна подчеркнула склоны далеких сопок на противоположном берегу бухты, когда вдруг услышал мягкие шаги за спиной. В этом доме такие шаги могли принадлежать только одному человеку.

– Наш гость ушел, Оливия, – произнес Квалья, не оборачиваясь.

– Тогда почему Майкл не идет к нам?

Итальянец оторвался от окуляра и посмотрел во двор. Михаил все еще сидел за столом, о чем-то глубоко задумавшись.

– Быть может потому, что ты снова на него злишься? – сказал Антонио, повернувшись к Собески.

– То есть ты хочешь сказать, что это опять моя вина? – нахмурилась женщина.

Квалья улыбнулся:

– Вовсе нет, дорогая.

– Я боюсь этих людей, Тони, – прошептала Оливия.

Он ответил ей вздохом и кивком:

– Ты о квартете?

– Да. Конечно, о них.

– Что ж. Опасаться этих людей разумно в нашем положении. Но не потому, что они кровожадные злодеи. Уверен, что это не так.

– Тогда почему?

Квалья вновь подумал о двух островах в Беринговом проливе.

– Потому что между нами ледяная вода холодной войны, которую однажды кто-то сделал слишком горячей. Думаю, тебе не стоит бояться их. Майкл найдет способ улучшить с ними отношения. Так что не сердись на него. Он все делает для нас.

Собески молчала, задумчиво глядя в окно.

– Все будет хорошо, Оливия. Не волнуйся. – Он снова одарил ее своей яркой неаполитанской улыбкой.

– Почему ты так в этом уверен?

– Быть может, потому что я потомок Кассандры Троянской? – продолжал улыбаться

Антонио.

Однако ему никак не удавалось поднять настроение Оливии.

– Для Трои все кончилось очень печально, милый Тони, – вздохнула она.

– Мы помним ее спустя тысячелетия и все наши чудовищные войны. Значит, для Трои ничего еще не кончилось. Хочешь взглянуть? – он указал рукой на подзорную трубу.

– Сейчас ночь. Разве можно что-то увидеть?

– Луна ярка как никогда. И охотно делится с нами своим светом. Посмотри.

Собески прильнула к окуляру и почти сразу убедилась в правоте друга. Лунного света действительно было достаточно, чтоб разглядывать вершины и склоны сопки, великана Авачу и мерцающую рябь на поверхности бухты. Это было восхитительное зрелище. Авачинский вулкан высился над миром, как задремавший усталый страж, за спиной которого сияла россыпь ярких звезд, но стоило вспомнить, что там, на противоположном берегу, был когда-то город, сгоревший в жаре термоядерного взрыва, как вся это сказочная картина превратилась в нечто ужасное, мрачное и угрожающее. У Оливии даже вздрогнула ладонь, которой она держалась за трубу, от чего смотровой прибор качнулся вниз. Теперь в окуляре был только лунный свет, прыгающий на ленивых волнах сонной Авачинской бухты. Собески стала осторожно приподнимать подзорную трубу, чтоб снова взглянуть на вулкан, но задержала взгляд на противоположном берегу.

– Тони...

– Что?

– Там... что-то... Там что-то есть...

– Где?

Оливия отодвинулась от окуляра:

– В Петропавловске! Посмотри!

Квалья занял ее место и через некоторое время произнес:

– Я ничего не вижу, Оливия.

– Посмотри внимательно!

– Именно так я и смотрю. Что вообще я должен увидеть?

– Подожди... – Собески вернулась к подзорной трубе и снова прильнула к окуляру. –

Проклятье, это ведь только что было там.

– Что было там, Оля?

– Тусклый огонек. И он двигался. Очень медленно, но двигался. В Петропавловске... – Она отвернулась от смотрового прибора и взглянула на Антонио. – И это вовсе не лунный свет был, Тони... Я видела...

Где-то в поселке вдруг пронзительно и обреченно завyla собака. И следом еще одна. Через несколько секунд они уже слышали невыносимый, холодящий в жилах хор подхвативших этот вой десятков собак.

– Господи, что это? – выдохнула Собески.

Квалья не знал что ответить, и внезапно к пугающему многоголосому вою присоединились хлопки множества крыльев. Как будто все птицы, что дремали вокруг или занимались своими птичьими ночными делами, в одну секунду решили зачем-то взмыть в небо, подальше от земли.

Тревожная догадка уже стучалась в разум Антонио, когда он повернул голову в сторону бухты и увидел, что отраженный в воде свет луны уже не раскачивался медлительными бликами, а расходился волнами усиливающейся ряби. Финальную точку в понимании того, что сейчас произойдет, поставил стальной шар, который выскочил из чайника и с громким звоном нырнул в латунную гильзу. Устройство, которое Антонио сегодня собрал и установил на лестничной площадке, сработало...

– Оливия, беги! – крикнул Квалья.

– Что?! Что происходит, Тони?!

– Беги на улицу, немедленно!!! – заорал он, хватаясь за трость. – Меня не жди, я сам! Это зем...

В этот момент весь мир содрогнулся.

Глава 4

Дрожь земли

Александр не сразу понял, что именно заставило его упасть на тропинке и скатиться на несколько метров вниз. Несколько секунд его кувырканий в траве кружилась мысль о том, что это алкоголь сыграл такую злую шутку. Однако еще мгновение спустя пришло понимание того первого ощущения, которое предшествовало падению. В тот миг сама земля вдруг решила уйти из-под ног. Будто земле почему-то не понравилось, что по ней ходит какой-то двуногий. И, похоже, только людям не дано было знать, какой сюрприз готовит им злопамятная природа. Ведь каким-то непостижимым образом животные были предупреждены, и теперь понятно, отчего внезапно ночная тишина наполнилась воем собак, так похожим на тревожную сирену. И птицы... Они тоже знали, что сейчас произойдет. Именно поэтому они взмыли в небо за несколько секунд до сотрясения земли. И только люди начинают понимать, что происходит, когда уже свершившийся факт сбивает их с ног.

Цой вскочил на ноги и почувствовал, что крепко на них стоять не удастся. Подземные толчки продолжались, и камчатские сопки буквально гудели. Слышался натужный треск растущих на склонах деревьев, а со стороны Приморского доносился каменный грохот. Александр бросился бежать к общине.

Поселок был наполнен шумом людей. По улицам металась языки пламени на горящих факелах, что жители держали в руках. Цой с опаской поглядывал на сопку справа от него. Ту самую, у подножия которой и находился Приморский. Только бы не случилось оползня. И хотя густой лес, веками покрывавший эту сопку, крепко удерживал грунт переплетением своих корней, все зависело от силы землетрясения. Чем сильнее эта стихия, тем больше шансов, что пласт грунта обрушится на поселение вместе с этим самым лесом. А на памяти тридцатидвухлетнего Александра, за всю жизнь проведенного вне полуострова Камчатка лишь несколько недель, это было самое сильное землетрясение...

Наиболее высокое здание в Приморском – пятиэтажка на улице Владивостокской в первый раз пострадало во время взрыва. Само здание было поделено на три секции так называемыми сейсмическими швами. Они проходили от фундамента до крыши в двух местах, деля один дом на три части, как борозды делили плитку шоколада для удобного отламывания ее кусочков. Здесь был тот же принцип. Строящийся в сейсмоактивном регионе дом обязан был иметь подобные швы. Они не ослабляли конструкцию. Но в случае обрушения давали шанс соседним секциям устоять и не быть утянутыми в коллапс теми сегментами, что не выдержали подземных толчков. Вот во время взрыва южная секция и обрушилась. Но две другие части дома устояли. До сегодняшней ночи...

Пробегая мимо здания детского сада, Цой отметил, что оно не пострадало. Наверху, на склоне сопки, в свете суетливых факелов, было видно, что и родная школа стоит на месте. Но вот дом номер четыре на улице Владивостокской исчез. Точнее, обрушились его панели, как карточный домик. Две оставшиеся секции не выдержали стихию.

Уже много лет он был малообитаем. Учитывая, что здание находилось выше большинства строений Приморского, на склоне сопки, оно было меньше защищено полуостровом Крашенинникова от ударной волны. И потому сильно пострадало. Здания школы и детского сада были еще выше по склону, но детский сад оказался прикрыт самой пятиэтажкой, а стены школы были массивней стен жилого дома раза в три, при том, что само образовательное учреждение имело меньший размер.

Многие из выживших жителей пятиэтажного дома давно покинули его. Еще в то время, когда, освободившись от диктата жестоких банд, община начала перераспределение уцелев-

ших домов среди уцелевших людей. Но несколько семей все еще жили на первых этажах этого здания. И вот теперь, похоже, они погребены под завалами. И это первое, что понял Цой, вернувшись в родной поселок. Еще неизвестно, что с остальными домами, которые находились дальше...

* * *

Внезапно поднявшийся ветер набросился на Оливию, как только она выскочила на улицу. Он растрепал ее соломенные волосы.

– Отойди подальше от здания! – крикнул промчавшийся мимо Крашенинников. Он бежал в казарму...

– Миша! – отчаянно завопила Оливия.

– Отойди подальше! Я сейчас! – раздался его голос уже из холла.

Она не хотела отходить. Она хотела броситься за своим мужчиной. Но страх удерживал ее на месте. Впрочем, ожившая под ногами земля дарила жуткое ощущение, что нигде в этом мире нет безопасного места. Все, что она сейчас могла сделать, так это только надеяться, что землетрясение стихнет или что сейчас Миша и Антонио выскочат из этого чернеющего перед ней входа в древнюю казарму. Но землетрясение продолжалось, а их все не было видно.

Огромное здание стонало и странно хрустело под натиском давившей из земных недр стихии. Масляная лампа сорвалась с крючка, на который ее повесил Квалья, и стремительно полетела вниз, лопнув огненным шаром в нескольких шагах от Собески. Она ощутила себя снова в том страшном дне, когда над Авачинской бухтой взорвалась термоядерная боеголовка. Их вертолет падал... Пилот пытался использовать эффект авторотации²¹, чтобы смягчить удар... Он спас всех, но не себя...

И вот сейчас новая катастрофа. И кто из выживших в той погибнет теперь?..

Ей казалось, что все это длится вечность. Содрогание и гул земли, зашумевшая бухта, ветер и ожидание того, как они выберутся, наконец, к ней, на улицу или... самое страшное... Как здание рухнет, погребя под своими руинами единственных оставшихся близких ей людей...

Забежав на третий этаж, Крашенинников замер, в недоумении глядя на спину своего друга Антонио. Вокруг все тряслось и дрожало. Стонущее здание грозило рухнуть, а тот сидел у окна и таранился в подзорную трубу.

– Антон! Ты совсем охренел?!

Квалья пренебрежительно отмахнулся:

– Убирайся, Миша! Зачем ты вернулся?! Здесь опасно!

– Вот именно, идиот! Я за тобой пришел!

– Vattene²², я сам о себе могу позаботиться!

Михаил подскочил к нему, грубо схватил, несмотря на то, что итальянец был заметно крупнее, и поволол к выходу, закинув одну его руку себе через плечо.

– Stronzo²³, – проворчал со злобой Крашенинников.

Антонио с изумлением уставился на друга.

---

²¹ Авторотация – аварийный режим посадки вертолета (термин применяется в винтовой авиации вообще и касается не только вертолетов). Например, при отказе двигателя. Набегающий при снижении (падении) поток воздуха будет раскручивать лопасти, и данный эффект можно использовать для более контролируемого падения, сделав его менее катастрофическим.

²² Отвали. Пошел отсюда (*um.*).

²³ Засранец (*um.*).

– Ты когда успел выучить итальянский? И вообще, какого черта ты делаешь? Ты теряешь время!

– Лучше заткнись!..

* * *

Похоже, главная беда все-таки случилась здесь. Александр постоянно озирался, но судя по тому, что множество факелов двигалось к руинам пятиэтажки, в других районах поселка таких разрушительных последствий не было. У самого же дома на улице Владивостокской, вернее, у того, что от него осталось, царил сует. Люди растаскивали обломки. К руинам подводили коней, чтоб отгаскивать бетонные куски панелей, чья тяжесть непосильна для людей. Перепуганные землетрясением животные упрямылись, фыркали и даже вставали на дыбы, вызывая гневные окрики хозяев. Завалы уже обнюхивали местные собаки, чтобы своим лаем дать людям понять, где приблизительно под обломками есть человек.

Все происшедшее ввело на какое-то время Александра в шоковое состояние. Казалось, ничего его не способно так поразить после того взрыва и вызова, что бросил он с друзьями главарям банд. Но сегодня природа напомнила о себе не своими щедрыми дарами, которыми богата Камчатка. Она напомнила, кто истинный хозяин на планете. И ничтожно все перед ее силой. Да, были сильны когда-то и люди. Но парадокс ее силы в том, что она способна только на самоубийство. И вот сегодня планета намекнула тем немногим, кто еще жив, что она в два счета покончит с ними, если будет в совсем хреновом расположении духа.

Цой дернул себя за бороду, заставляя выйти из оцепенения. Он один из лидеров, и община не должна видеть его вытаращившим глаза и разинувшим рот от шока.

– Цой... жив? – послышался сзади голос.

Александр обернулся. К нему, сильно хромя, подошел Андрей Жаров. Он прижимал ладонь ко лбу, лицо его было залито кровью.

– Жар, а с тобой что за хрень случилась? – воскликнул Саша.

– Когда все началось, сиганул из окна. Как видишь, не очень удачно. Когда нам было по двенадцать лет, такие трюки у нас получались лучше, да, старик? – Он попытался усмехнуться и тут же скорчился от боли.

– Брат, тебе в лазарет надо...

– Некогда. Я здесь покомандую спасательными работами... Слушай, Саня... Женька и Никита сейчас носятся по всему поселку. Проверяют обстановку и выясняют последствия... Пожалуйста, сходи на завод. Посмотри, что там... И это... Отправь кого-нибудь в Вилючинск. Если у них все в порядке, то пусть пришлют нам человек двадцать и лошадей. Нам завалы надо разобрать как можно скорее... Там люди...

– Все сделаю, Жар. Ты Оксанку мою не видел?

– В лазарете она...

– Что с ней?! – воскликнул Цой.

Андрей снова скорчился от боли, взглянул на свою ладонь и опять прижал к серьезной ссадине на лбу.

– В порядке она. Просто медикам помогает. Раненых полно...

– Ладно, я все сделаю. Но ты иди в лазарет. Посмотри, люди сами нормально справляются. И без твоих команд...

– Мы должны быть с людьми, Саня. Всегда...

– Да ты рожу свою видел?!

– Когда мы вырезали банду Сташко Лютого, меня сильнее покоцали. И тебя, кстати, тоже. Все, Сань, иди на хрен...

Жаров направился к развалинам пятиэтажки.

Александр проводил его взглядом, затем осмотрелся. У старого железного гаража заметил несколько велосипедов и, оседлав один из них, поехал в сторону завода. Динамо-генератор вращался от колеса, что позволило включиться фаре. Двигаясь по дороге, ведущей от разрушенного дома вниз, к центру поселка, он наткнулся на пару всадников и остановился.

– Ермалавичюс, Гуцин! Вы же в патруле сегодня, так?

– Да, Цой, все так. Только мы решили помочь на разборе завалов...

– Это вы молодцы. Ермалавичюс, отдай своего коня Гуцину. Гуцин, веди коней к развалинам. Они там нужны. Но отдай автомат напарнику.

Ермалавичюс кивнул и спешил. Затем повесил автомат Гуцина за спину.

Александр слез с велосипеда и передал его Ермалавичюсу.

– Садись и гони в Вилючинск. Узнай, что у них там происходит. Если у них есть свободные люди, пусть человек двадцать сюда как можно скорее выдвигаются. И пусть возьмут лошадей и машины.

– Все понял...

* * *

Оливия не помнила такой гаммы чувств. Панический страх, мгновенно сменившийся эйфорией радости, когда она, наконец, увидела Михаила и Антонио.

Они ругали друг друга. Миша почему-то бранился по-итальянски, Антонио больше по-русски. Квалья волочил ногу и виновато смотрел на Оливию. Наверное, виновато. Слишком темно, чтобы разглядеть, но ей почему-то показалось, что именно так. Страх уступил место радости. И даже подземные толчки почти перестали ощущаться. Все плохое, видимо, позади. Михаил довел Антонио до скамейки и, усадив его туда, подбежал к Оливии и крепко обнял.

– Миша, нет ничего страшней, чем мысль, что я вдруг могу потерять тебя, – прошептала она, прижимаясь к Крашенинникову.

– Все хорошо, милая. Я здесь, – ответил он.

Квалья взглянул на них, вздохнул и отвернулся...

В этот момент земля содрогнулась снова. Но на сей раз это было не землетрясение. Это дало о себе знать очередное последствие стихии. Здание северной казармы, в которой когда-то находился строительный батальон, начало рушиться. Сначала медленно, будто нехотя и сопротивляясь из последних остатков сил, оно стало крениться вперед, при этом внутри грохотали разрываемые и падающие перекрытия, лестничные пролеты и стены. Затем неумолимая сила земного тяготения заставила рухнуть все, подняв облако бетонной пыли, кружащей в завихрениях воздуха.

Михаил прикрыл собой Оливию от пыли и долетающих даже сюда мелких обломков. Через несколько мгновений все стихло. Ну, почти все. Их сердца продолжали бешено биться, а взгляды устремились на среднюю казарму. На их дом. Все трое ждали, что сейчас настанет и его очередь рухнуть. Но почему-то они совсем забыли, что стоят в опасной близости от здания. Их охватило такое оцепенение, что они даже не заметили, как позади них на велосипеде в сторону Вилючинска промчался вооруженный человек.

Казарма не рухнула. Но страх не проходил. Вокруг все стихло, и только из поселка раздавался лай собак и другой шум.

– Там, наверное, помощь нужна, – тихо сказал Квалья.

– Они мне запретили десять дней приходить в общину, – отрезал Михаил.

– Миша, это твои соотечественники.

– Да, которые обещали меня пристрелить, если я нарушу запрет.

Крашенинников и Собески опустились на скамейку рядом с Антонио. Страх за свой дом не отпускал, и они продолжали на него смотреть.

– Больше века назад у меня на родине произошло чудовищное землетрясение, – заговорил Антонио. – Страшная катастрофа практически уничтожила Мессину и Калабрию²⁴. В те дни в Средиземном море находилась ваша военная эскадра Балтийского флота. Русские моряки были первые, кто пришел нам на помощь в тот страшный час.

– Правда? – устало вздохнул Крашенинников. – Я не знал об этом.

– Мало кто об этом знал и помнил, – покачал головой Квалья. – Очень хорошо в человеческой памяти отпечатываются войны. Войны, войны и войны. Осада Трои, Ганнибал у ворот, Галльская война, Война Алой и Белой розы, Тридцатилетняя, Столетняя... Наполеоновские войны, гражданские войны, мировые войны. Среди всего этого так легко забыть истинное проявление человеческой сути – стремление помочь тем, кто попал в беду, невзирая на оттенки кожи, разрез глаз и языки, что вас разделяют. На меня запрет не распространяется. Я должен туда пойти и помочь...

Он поднялся, сделал один неуверенный шаг, затем еще один и тут же рухнул на скамейку, скривившись не то от боли, не то от отчаянного осознания своей неполноценности. Без трости он совсем не мог идти.

– *Cazza gola!* – выругался Квалья, потирая искалеченную ногу. – Я бесполезный кусок мяса. Ты не должен был за мной возвращаться...

– Да что на тебя нашло вообще?! – заорал Михаил. – Почему ты остался в доме?!

– Потому что пока я спустился бы с третьего этажа и вышел на улицу, здание могло рухнуть множество раз. Какой в этом прок? Уж лучше остаться и наблюдать за вулканом. Это все, на что я способен. Это все, понимаешь? Тебе запретили ходить в общину. А нам надо пополнять запасы пищи на зиму. Тебе нельзя ходить в сопки из-за медведя. Тебе нельзя присоединяться к добытчикам из общины. И не лучшей мыслью будет отправлять к ним вместо тебя Оливию. А я вообще ни на что не гожусь!

– Господи, какую несусветную чепуху ты несешь, Антон! – продолжал негодовать Крашенинников. Но его перебила Оливия:

---

²⁴ Это случилось в конце декабря 1908 года. *Terremoto di Messina* – Мессинское землетрясение – сильнейшее землетрясение в истории Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.